АЛБЫНЖИ

АЛМАТЫ • ХАЛЫҚ • 1951

АЛБЫНЖИ

ХАКАССКОЕ ГЕРОИЧЕСКОЕ СКАЗАНИЕ

СКАЗИТЕЛЬ С. П. КАДЫШЕВ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД
И. КЫЧАКОВА

ХАКАССКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
АБАКАН—1951

С. П. Кадышев.

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
АВДЕЕВА Р.Б.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Почти в каждом хакасском улусе есть знатоки сказок и тахпахов. Но не каждому из них выпала чёсть носить звание хайджи — народного сказителя. Именно таким — всеми уважаемым, известным хайджи является Семен Прокопьевич Кадышев.

Член сельхозартели им. Молотова, Ширинского района, он почти безвыездно живет в колхозе, но слава об его искусстве известна по всей Хакассии.

Часто по вечерам, после трудового дня, к небольшому домику, в котором живет хайджи, приходят колхозники. Они приглашают Семена Прокопьевича в гости. И он всегда отвечает на приглашение приветливым словом.

В доме, а если летом — то в юрте, где будет петь хайджи, собирается много народу. Сказителя приветливо встречают присутствующие, а затем его садят на почетное место—передний угол на медвежью шкуру, ковер или войлок. Весело переговариваясь, люди садятся на стульях, лавках и просто на полу поджав под себя ноги.

Первым обращается к сказителю самый старший из присутствующих:

— Уважаемый Семен Прокопьевич! — говорит он, — народ собрался послушать твои песни и сказки. Будь добр, расскажи.

Семен Прокопьевич с улыбкой поглаживает свои черные усы и обычно отвечает:

— Я нынче к вам пришел пешим (буквально: чазаг). Что означает — пришел без чатхана.

Собравшиеся понимают намек сказителя. Отовсюду слышатся возгласы, веселые голоса. А сказитель продолжает: — «Коня у меня нет. Если про альпов[1] рассказывать буду, они на богатырских конях скачут, мне за ними не угнаться».

— Мы дадим тебе коня! — говорит хозяин дома.

— Для меня, — говорит сказитель, — конь — чатхан. Путнику необходим конь, а сказителю чатхан.

И тут подносят ему чатхан — семиструнный музыкальный инструмент.

— Вот тебе, Семен Прокопьевич, конь. Бери его.

Сказитель настраивает чатхан, а сам спрашивает:

— Что рассказать?

— Такую сказку расскажи, — просит народ, — чтоб длинна была, чтоб ей конца-краю не было, чтобы в середине страшно было, чтоб в некоторых местах плакать, а в других смеяться пришлось.

— Если сильно печальное расскажу, — говорит хайджи, — грустно будет вам. Лучше такое спою, чтоб за сердце взяло.

Наступает тишина. Сказитель трогает струны, раздаются призывные звуки чатхана, а затем тягучий напев горлового пения (хая). Пропев горловым пением строфу, хайджи пересказы-

[1] Алып—богатырь.

вает ее устно, а затем поет вторую строфу. Так, строфа за строфой, тянется всю ночь, а иногда и две ночи подряд длинное повествование о временах, «когда земля зарождаться начинала» Причем, сказитель во время пения вводит в строчки вспомогательные слова — «пір», «олох», «ох» и другие, являющиеся ритмическими вставками. Мелодия меняется в соответствии с текстом сказания. Если хайджи повествует о битве алыпов — мелодия звучит бурно, напряженно. Если речь идет о гибели героя, — мелодия льется грустно и заунывно.

Рядом с хайджи сидят наиболее впечатлительные слушатели. В самых захватывающих местах сказания они, глубоко переживая судьбу сказочных героев, похлопывают хайджи по спине и плечам с возгласами: «Ээ-эк! У-ух!» Другие подают реплики, возгласы, которые носят различные смысловые оттенки — то это восхищение удачей героя, то это радость за победу героя над злой силой.

Сказитель делает перерывы в пении для того, чтобы выпить чаю, выкурить трубку табаку, но эти перерывы делаются не произвольно, а в тех местах, когда по сюжету сказания закончилась одна из сцен. Таким образом, создаются главы—сюжетные куски сказания, слитые воедино.

Хайджи слушают всегда внимательно, сосредоточенно и особенно любят за его юмор, за то, что он метким словом, ловко вверпутой поговоркой, пословицей умеет вызвать смех, дать яркую четкую характеристику отрицательного персонажа.

Традиционная форма повествования не сковывает хайджи. В отличие от других сказителей он обладает умением ярко, своеобразно обрисовывать сцены битв, встреч героев, сцены народного ликования.

Когда длинная сказка окончена, сказитель рассказывает веселую концовку о пире алыпов, на котором, якобы, он был. Все весело смеются и иногда в честь сказки и в честь хайджи начинается веселый «нымах тойы».

Популярность С. П. Кадышева не случайна. Обладая редким талантом хайджи, незаурядной памятью, он хорошо знает все жанры устного народного творчества. Произведения, которые он поет, реалистичны, они раскрывают различные стороны жизни хакасского народа. Из них мы узнаем о жизни и быте хакасов в прошлом, знакомимся с тем, как бедные люди выражали свои заветные чаяния и стремления.

Лауреат Сталинской премии профессор Л. П. Потапов в своей работе «Героический эпос алтайцев» указывает, что дать правильный ответ на вопрос — кто был творцом героического сказания — народ или аристократическая верхушка — можно лишь после анализа его идейного содержания. «Как правило, — пишет Л. П. Потапов, — содержание алтайских былин сводится к борьбе богатырей с злыми ханами, баями, грабящими, угнетающими простой народ. Борьба эта всегда заканчивается победой богатырей над носителями социального зла»..

Анализируя одно из лучших героических сказаний С. П. Кадышева «Албынжи», можно придти к выводу, что его творцом был народ. В сказании главным героем является смелый, чистый душою, глубоко любящий свой народ, Албынжи—сын богатыря Хулатая. С малых лет он испытал страдания и лишения. Бедняк, не имеющий даже имени, он в поисках народного счастья, сумел у чудовищной рыбы Кир-палых вырвать тайну волшебного посоха и шарика. Но подосланные врагом простого народа Юзут-Арх—Хара-Нинжи и Очы-Сарх выкрали посох и шарик из юрты Албынжи. В сказании говорится о битве Албынжи и

его друзей с ужасным страшилищем Юзут-Арх. В неравном бою смелый Албынжи погибает, но сестра Хулатая, самая умная девушка Чарых-Кеек воскрешает Албынжи и его друзей. Сказание завершается победой Албынжи над черной силой и ликованием освобожденного народа.

Этот короткий пересказ сюжета, конечно, не может дать полного представления о сказании. Хайджи настойчиво проводит мысль о том, что добиться счастья народного можно лишь общими усилиями. Каждый из основных героев наделен своей яркой характеристикой, имеет четко обрисованный портрет, что еще больше помогает раскрыть идейность содержания. Хулатай в трактовке самого сказителя обладает могучей силой, но в нем нет любви к народу, вот почему и народ его отвергает. Черствый душою, недалекий умом, он легко меняет народные чаяния на бесшабашный разгул и поэтому часто попадает под влияние черных сил.

Другой персонаж сказания — Хан-Мерген, в отличие от Хулатая, — бессилен, но хитроумен. Обманывая простой народ, он живет только заботой о себе, о своем благополучии и ради этого становится предателем — врагом народа.

Самыми черными красками рисует сказитель Юзут-Арх — дочь Юзут-хана — давнишнего и злейшего врага простого народа. В борьбе с Албынжи она использует все — одурманивает простодушного Хулатая, использует предательство Хан-Мергена, подсылает Хэра-Нинжи и Очы-Сарх, которые выкрадывают волшебный шарик и посох.

Но все попытки Юзут-Арх разбиваются, потому что нет такой силы, которая могла бы осилить народ. Тяжела борьба, нелегок путь к народному счастью, но:

Тот, кто любовь в своем сердце хранит,
Тот, кто заботу в душе несет,
Тот свою думу в дела воплотит.
Тот свое счастье всегда найдет.

Таков конечный вывод сказителя.

Яркий талант С. П. Кадышева самобытен. Семен Прокопьевич родился в 1885 году в улусе Тарчи, Аешинского сельсовета, Ширинского района. Он является представителем древнего рода Пуга, который издавна славился, как род сказителей и охотников. С детских лет Семен Прокопьевич слышал от своих родителей много сказок, сказаний, тахпахов. Его прадед по отцу Пугачах был известным нымахчи и хайджи. Отец Прокопий также знал немало сказаний и много передал сыну преданий о старине.

Тяжелой, безрадостной была жизнь Семена Прокопьевича до Великой Октябрьской социалистической революции. Сын охотника, он с 12-летнего возраста стал охотничать и исходил всю тайгу в вершинах Белого и Черного Июсов. Баи покупали у охотников драгоценную пушнину за бесценок. Летом приходилось работать на прииске золотопромышленника Иваницкого (ныне рудник «Коммунар»). Здесь он испытал всю тяжесть подневольного труда. Грустные песни о беспросветной доле бедняков пел тогда хайджи.

Наиболее ярким произведением того времени является сказка «Охотник». Хайджи повествует о борьбе охотника с алчным скупым баем. Бедный охотник, преодолев множество трудностей, выходит победителем из этой борьбы. А бая сказитель лишает человеческого облика и, превратив его в дятла, обрекает на вечную жизнь в лесу.

В период гражданской войны и разгрома Колчака Семен Прокопьевич вступил в партизанский отряд и участвовал в ликвидации банд Соловьева и Кулакова—ставленников местных баев и кулаков. Только под солнцем Сталинской Конституции узнал С. П. Кадышев радость счастливой жизни. Он видел, как возрождался ранее угнетенный хакасский народ и теперь его чатхан получил иную настройку. Во весь голос запел он тахпахи о самом большом и самом любимом человеке, имя которого Сталин:

С синего неба упавший снег
Многим землям влагу дает.
По заветам великого Ильича
Нас мудрый Сталин ведет вперед.

В дни Великой Отечественной войны Семен Прокопьевич работал в колхозе гуртоправом, а в 1943 году был избран председателем сельского Совета. Рассказывая молодежи свои любимые сказания, он тогда часто делал отступления в тех местах, где говорилось о злых чудовищах, сравнивая их с Гитлером и его фашистской кликой. Таким образом, сказание принимало иную окраску и служило великой цели, которой жил в те грозные дни весь советский народ.

Семен Прокопьевич уже более сорока лет носит почетное звание хайджи. Он знает около тридцати героических сказаний, которые можно определить как эпические стихотворные произведения, повествующие о героических подвигах алыпов-богатырей. Но этим не ограничивается репертуар сказителя. Большое количество преданий, самобытных для хакасского народа сказок — бытовых, волшебных, охотничьих, разнообразные песни (тахпахи и ырлар), пословицы и поговорки, загадки—бережно хранит в памяти и передает народу этот замечательный хайджи.

«Сказка воодушевляет человека, — говорит он, — сколько бессонных ночей провел я за сказками и никогда при этом не чувствовал усталости. Сказки придают человеку силу и разум».

В. Доможаков,
И. Кычаков.

АЛБЫНЖИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Зарождаться земля начинала тогда,
Медь начинала твердеть тогда,
Русла в горах пробивали ручьи,
Звезды небес загорались в ночи,
Деревья корнями за землю брались,
Верхушки свои устремляя в высь.
Но выше всех гор в этом месте был
Могучий красавец Кирим-тасхыл[1].

От подножья тасхыла, покинув юг,
Мчался на север Хан-Харасуг[2],
Хан-Харасуг—звонкий ручей,
Приютил ты много хороших людей,
Много водой напоил табунов,
Хан-Харасуг—сын земных пластов,
Разгульная сила в твоих волнах,
Счастливая жизнь на твоих берегах.

Много народа живет в тех краях,
Много пасется скота на лугах.
Славные песни в улусах поют,
Много в улусах хороших юрт[3]
Только одна красивее всех —
Здесь песни звончее и радостней смех.
В ней богатырь Албыган[4] живет,
Человек, которого любит народ.

Перед юртою высится столб золотой,
У столба привязан конь молодой,
Бело-буланый красавец степной
Конь Албыгана с гривой густой.
С удивлением люди на лошадь глядят —
Могуч и красив гордый — Ойат[5].

А рядом стоит скакун удалой.
Он кажется создан для битвы лихой,
Он грудью пошире и крепче в ногах.
Он словно буран, что гуляет в степях.
До того горяч беспокойный конь —
Из глаз вылетает искристый огонь.
Всхрапнет он — и дым из ноздрей летит,
Ударит копытом—земля дрожит...

Хара-Хулатом[6] зовут коня.
Хозяина ждет он, уздою звеня.
Как будто бы хочет сказать:—Хулатай[7],
Скорее меня напои, оседлай.
Ты сын Албыгана и сам богатырь,
Зовет нас с тобою степная ширь,
Туманная даль, скалистая высь.
Скорее, мой друг, на меня садись!

Но молод еще богатырь Хулатай,
Боится покинуть отцовский край.
Он вместе с сестрою Алтын-Кеек[8]
Часто с тоскою глядит на восток,
Туда, где зарницы, играя, горят,
Куда беспокойные ветры летят.

Алтын-Кеек быстро растет,
60 косичек[9] по утрам плетет,
Песни веселые звонко поет,
Но Хулатай не рад ничему —
Дорога дальняя снится ему,
Молодая кровь в груди горяча —
Руки просят стального меча.
Кажется низким любой хребет —
Тяжести лет на плечах нет.

Летят без возврата счастливые дни!
Один за другим улетают они,
Как гуси осенью в небесах,
Дни пролетают у всех на глазах.
Хулатай однажды к отцу пришел
И смелым голосом речь повел:

———

— Любимый народом отец Албыган,
Тобою мне конь богатырский дан,
Сила, сноровка даны мне тобой.
За это я предан тебе душой.
Мой конь быстроногий окреп и подрос,
Меня бы он смело в поход понес.
Да и я сам в юрте твоей возмужал.
Меня не страшит никакой перевал.

Хочется мне побывать на воле,
Под светлым небом поездить в поле.
Испробовать мне богатырской бы доли.
Широкую землю объехать мне, что ли?
И в самом деле, не поискать ли другого
Хара-Хулата, как мой, удалого?
Да есть ли на свете такой край,
Где живет, мне подобный, другой Хулатай?

Отец на сына взглянул сурово
И молвил: — Я слышу хвастливое слово.
Твой век, Хулатай, добротою отмечен.
Тебе не к лицу неразумные речи!
Земля велика и немало на ней
Судьбою испытанных богатырей.
Ковыльная степь табунами богата.
Зачем ты кичишься Хара-Хулатом?!
Зачем ты хочешь искать другого
Друга—коня, как твой, удалого?!

Не об этом, сынок, у тебя забота.
Слава не в каждые ходит ворота.
Не в каждую юрту заходит счастье.
Не каждый под крышей сидит в ненастье.
Поживешь на земле — и увидишь, что много
Людей без крова бредут по дорогам.
Поживешь—и увидишь, что горе и голод,
Злые болезни, нужда и холод
Людям простым не дают покою.
Подумай об этом—и сердце заноет...

Я стар и хочу, чтобы сын мой любимый
Сторожил от набегов наш край родимый,
Чтоб каждому роду главою он стал,
Чтоб мысли и правде просторы он дал,
Чтоб славой народ свой навек увенчал.

Жеребенка ты вырастишь скакуном,
Сироту воспитаешь богатырем, [10]
Пешему лошадь лихую дашь,
Раздетому кров и одежду дашь...

Отцовский наказ—для сына святой
Хулатай прослушал с холодной душой.
Хотел он сказать, что согласен с отцом,
А сам, уходя, думал о том,
Как бы скорее уйти в поход
Туда, где в тумане синел небосвод.

Стал он готовиться в дальний путь.
Кольчугой закрыл богатырскую грудь.
На голову пёрик [11] для боя одел.
(На солнце вечернем он ярко блестел).
Изогнутый месяцем лук боевой
Шесть раз затянул тетивою стальной.

Красив Хулатай в боевом наряде.
Смелость, решимость, отвага во взгляде.
В широких плечах крепость тасхыла.
В мускулистых руках неуемная сила.
Как богатырь кругом повернется —
Так юрта нарядная пошатнется.

Решившись, шагнул Хулатай из дверей.
Прощаясь, взглянул на просторы степей.
Доброго слова никому не сказал.
К золотому столбу, [12] торопясь, зашагал.
Хара-Хулата по холке трепал,
Слова ему нежные тихо шептал.

Из юрты сестричка к нему подошла,
Повод отвязанный подала,
Сказала: — Мой милый брат Хулатай,
Где бы ты ни был,—отцовский край
Ни душою, ни сердцем не забывай.

Сила тебе для народа дана.
Пусть не уйдет бесполезно она.
Помни наказ мой, брат Хулатай,
За свободу народа грудью вставай,
Всегда обездоленным помогай,
Радость людскую не нарушай,
Счастье народа оберегай.

Наказ этот, данный родною сестрой,
Хулатай прослушал с холодной душой.
В ответ ни слова не проронил,
На Хара-Хулата ловко вскочил.
И рысью поехал улусом большим
Дорогой прямой на тасхыл Кирим.

На тасхыле ветры призывно гудят,
Сизые тучи низко летят,
Куда ни кинешь орлиный взгляд —
Кругом равнинные земли лежат.
Прожилками синими реки видны.
Ближние земли черным-черны.
Дальние земли с горы крутой
Синей окутаны пеленой.

Распалилось сердце в груди от огня.
Он дернул тин, не жалея коня,[13]
Вздыбился конь, как вихрь степной.
Оскаленный рот, как яр над рекой.
Богатырь поводьев коню не даёт—
По большому, как степь, стегну его бьет.

Как ветер, понесся всхрапнувший конь,
Через реки скачет взмыленный конь,
Через степи проносится, как огонь.
Такая у лошади смелая прыть,
Что трудно скачки ее уследить —
Открытых глаз не успеешь закрыть,
Закрытых глаз не успеешь открыть.
Бураном горы вокруг шумят,
Вихрем кружатся, летят назад.
Небо гудело три ночи, три дня
От гулкого топота вихря-коня.

...Так скрылся из глаз озорной Хулатай...
Отец Албыган родной край
От недругов пришлых оберегал.
Он каждому пешему лошадь седлал,
Раздетому кров и одежду давал.

...Один за другим пролетело семь лет.
А Хулатая все нет и нет,
Не шлет богатырь долгожданный привет.
Ни одной весточки нет и нет.

Прошло-пролетело двенадцать лет —
И снова от сына известий нет.
Не шлет богатырь долгожданный привет,
Ни одной весточки нет и нет.

И вот, на исходе двенадцатого года
Заколебалась земля под крутым небосводом.
Раздался топот Хара-Хулата
Похожий на ярого грома раскаты.
И тут услыхала земля родная
Голос вернувшегося Хулатая.

Самый смелый и самый могучий,
Ехал он, пыль поднимая тучей,
Ехал он с песней к родному краю,
Ехал, беспечный, забот не зная.
На вершину Кирим-тасхыла поднялся,
От тяжести снежный тасхыл зашатался.
С коня соскочил богатырь Хулатай —
Долго смотрел на отцовский край.
Веселую песню зычно запел,
Возле коня на землю присел
И вдруг, завороженный, окаменел.

Окаменело могучее тело[14],
На лице улыбка окаменела.
Глаза закрылись. В одно мгновенье
Окаменели руки, спина, колени.
Стал Хулатай, богатырем рожденный,
С человеческим обликом камнем зеленым.

Сестра Хулатая Алтын-Кеек,
Накинув на голову темный платок,
Запыхавшись, с трудом поднялась на тасхыл,
На колени упала, лишившись сил.
И видит она — на горе высокой
Стоит ее брат скалой одинокой.
На лице улыбка окаменела,
Окаменело могучее тело.
А рядом, в землю уйдя по колено,
Могучий конь девятисаженный
Стоит без движения окаменелый,
Превращенный проклятием в камень белый...

...Плачет, рыдает Алтын-Кеек,
Ветер, притихнув, на травы лег,
При виде слез он резвиться не мог.

Не удержать этих слез кровяной поток,
Не удержать этих слез ледяной поток[15],
Там, на вершине Кирим-перевала
Много горя она познала.

...Албыган с тревогою дочь ожидал.
Смотрел он с тоскою на перевал.
Вбежала дочка к отцу в слезах.
Кто видел ее — безотчетный страх
Тотчас поселялся у них в сердцах.

— Отец мой, — сказала, — отец Албыган,
Сын твой немало объехал стран.
Он землю обширную исколесил,
Да только завет твой не сохранил.
Беднякам обездоленным не помогал.
Радость людскую войной нарушал.
Жеребенка не вырастил скакуном,
Сироту не взлелеял богатырем,
Пешему лошадь лихую не дал,
Раздетому кров и одежду не дал.

Тогда Хулатая народ не взлюбил
И, проклиная его, решил:
«Тот, кто с каменным сердцем рожден,
Пусть в камень навек превратится он!»
Мне слезы держать не хватает сил.
Взгляни, мой отец, на Кирим-тасхыл.
Там сына увидишь ты своего.
Окаменела грудь у него,
Окаменела лошадь его.

С глубоким вздохом сказал Албыган:
— Мне сын в наказание, видно, дан.
Ах, мой непослушный сынок Хулатай,
Зачем ты поехал в далекий край!
Зачем ты бездомным бродил по свету!
Почему не послушал моих советов!

...На тасхыле ветры гудят и гудят.
Сизые тучи низко летят.
Куда не кинешь орлиный взгляд —
Кругом равнинные земли лежат.
И высится там, на горе высокой,
Богатырь Хулатай скалой одинокой.
Близко живущие камень видят,
Далеко живущие о нем слышат...[16]

———

...Недаром же так говорят в народе:
«Беда никогда одна не приходит».
Вдруг закачалась поверхность земли.
Все горы в тумане, все небо в пыли.
Кто это там ручьями сверкает?
Кто это там лучами стреляет?
Кто это катится шумным потоком
По руслам дорог к горе высокой?
Это стекаются темные силы
Юзут-Хана [17]— царя, как ручьи с тасхылов.
Это война идет шумной волною,
Трижды опоясанная страшной бедою!

На Кирим-тасхыле мечи сверкают.
Недруги недруга вызывают:
—«Эй, Албыган, гордец безмерный[18],
Рубленое мясо ты съел, наверно,
Одежду для боя одел, наверно!
О горе твоем мы давно уже знаем —
Нет у тебя силача Хулатая,
Теперь мы ребра твои посчитаем.
А ну, поднимись на вершину тасхыла!
С тобою в бою мы померяем силы!»

Албыган проворно собрался в бой,
С дочкой простился, с любимой женой.
Жена Ай-Арх [19] голосила звонко —
Носит под сердцем она ребенка —
Видно, родится он в час ненастья!
Видно, ему не увидеть счастья!

Албыган ресницы слезой не смочил,
На коня Ойата ловко вскочил
И рысью поехал улусом большим
Дорогой прямой на тасхыл-Кирим.

...На тасхыле ветры в ушах гудят...
Грудами черные тучи летят.
Пришлые недруги плотно стоят —
Сверкает молнией каждый взгляд.
На слова Албыган отвечал словами,
На удар кулаком отвечал кулаками.
С коня он спрыгнул, мечом сверкая,
На пришлых врагов озверевшую стаю[20].

На землю упали густые туманы.
Свет нежной луны стал совсем багряным.
А солнца лучи сквозь густые туманы

Лились на землю, как кровь из раны.
Полнолунье прошло — Албыган все дерется,
Новолунье пришло, а он не сдается...

...«Уже иссякают последние силы...
Что будет с женою, с дочкою милой?
Что будет теперь с моим милым краем?
Помощи нет, а враги наседают...»

Знал бы отец, что в ту ночь роковую
Жена родила ему дочь вторую!

...О счастье своем ничего не зная,
В жестоком бою Албыган умирает.
«...Имеющий близких, ты честью гордишься.
Прощаясь, ты с ними рядом садишься.
А я умираю во вражеском стаде...
Кто рядом со мной на прощанье присядет!

...Имеющий друга, ты счастлив вдвое.
Друг горечь прощанья разделит с тобою.
Мои же друзья умирают в темницах.
Кто нынче придет, чтоб со мною проститься?»
Так шепчет с тоской Албыган, умирая,
О дочке своей ничего не зная...

...У прекрасного утра — прекрасна заря.
Прекрасная дочка богатыря.
Не по дням, по часам на глазах растет,
Уже на крепкие ноги встает.
Над сестричкой своею — Чарых-Кеек[21]
Плачет, рыдает Алтын-Кеек.
Ветер, притихнув, на травы лег,
При виде слез он резвиться не мог.
Не удержать этих слез кровяной поток,
Не иссушить этих слез ледяной поток.

— «Горе видят глаза мои!
К нам подступили лихие дни.
Счастье моих молодых лет
Померкло, как меркнет в тумане рассвет...»
Так причитая, сестренку взяла,
Страха не зная, в тайгу ушла.
Шалаш поставила травяной
Над быстрою Хан-Харасуг-рекой,
Для рыбной ловли суген[22] плетет.
А сама печальную песню поет:

———

— «Горе видят глаза мои,
К нам подступили лихие дни.
Светлому счастью приходит конец,
Последние дни доживает отец,
Последние дни доживает мать,
Некому нас накормить, приласкать.
Полечу я кукушкою в дальний край,
А ты, моя милая, не унывай.
Шалаш тебе будет юртой родной,
Утолишь свою жажду холодной водой,
Утолишь свой голод рыбой речной...»

...А в это время на гордом тасхыле
Враги Албыгана мечами рубили.
Страданья и боли превозмогая,
С народом прощался отец Хулатая:
— «Для отдыха созданный милый край,
Любимый всем сердцем, навек прощай!
Сердце мое в крови закипает,
Закат моей жизни уже потухает...»

Тот голос призывный, полный печали
Все бедные люди в улусах слыхали,
Все матери горькие слезы роняли,
Все девушки, падая, глухо рыдали.
Не звезды Медведицы в небе погасли, —
То взор Албыгана потух прекрасный!

Как смерть, побледнела Алтын-Кеек,
С плеч сорвала темный платок.
Вскинула руки, как крылья, она,
Золотою кукушкою стала она
И полетела в небо она,
Туда, где бледнела вдали луна.

— Моя победа! — Вскричал Юзут-Хан,
Гордо расправив свой тонкий стан.
Свистит, не смолкая, ременный бич,
Громом летит оглушающий клич:
— «Лети, мой голос, во все края!
Народа хозяином буду я!
Реки мои и земля моя!
Отныне ханствовать буду я!»

Он вынул свой меч, и конь Албыгана,
Гордый красавец бело-буланый,
Упал с отсеченною головою —
На камни хлынула кровь рекою.

...Степь застонала под вражьей пятой.
Пепел и дым летят над землей.
Горят улусы, горит тайга.
Ничем не насытить лихого врага, —
Ни кровью, что льется шумливой рекой,
Ни сладкими яствами, ни арагой[25].

Жена Албыгана — красы созданье —
У золотого столба лежит без дыханья.
Повсюду следы разрушенья видны.
Все юрты разграблены и сожжены.
Тому, кто держал против нечисти меч,
Пришлось костьми на землю лечь.

Повсюду слышен отчаянья крик.
...За стадо свое заступался бык.
Рогами врагов он на землю швырял.
Угнать свое стадо врагу не давал.
От меча погибая, он дико мычал.
...За табун заступался лихой жеребец.
Мчась по степи из конца в конец,
Копытами грозно врагов он крушил,
Из вражеских рук отбивая кобыл,
И пал буйногривый красавец степной,
Подстрелянный вражеской черной стрелой.

...Лежал Албыган с потемневшим лицом.
До слуха его доносился гром,
Стоны и плач, проклятья и вой,
Но только не мог шевельнуть он рукой,
Не мог он пальцы остывшие сжать,
Не мог он меч над собой поднять.

Отары овец, табуны лошадей
Угонял в неволю враг-лиходей.
Понурив головы, шли скакуны,
Луга покидая родной стороны.
А тех, кто не мог, не желал итти
Враги убивали, бросая в пути.

Врагами гонимый, толпою народ
Со стоном и плачем в неволю идет.
Идут, потерявшие счастье и честь,
Идут, неуспевшие пышно расцвесть,
Шагают украшенные сединой,
Навеки прощаясь с родной стороной.

А тех, кто не может, не хочет итти
Злодеи, пытая, бросают в пути.
К согнутым соснам людей подтащив,
На сучки подбородками нацепив,
Под громкие крики, злорадный смех
Деревьев вершины пускают вверх.

...На лицо Албыгана спустилась ночь.
Он знает, что некому горю помочь.
Окаменел богатырь Хулатай,
Не выйдет он в бой за отцовский край,
Окаменевшие пальцы не сможет сжать,
Не сможет меч богатырский поднять.

Одного Албыган предвидеть не мог,
Что живет невредимая Чарых-Кеек.
Она в шалаше травяном живет,
Она не по дням — по часам растет.
Хан-Харасуг ее тешит волной,
Дождик ласкает влажной рукой,
Луна ей сияет ночною порой,
А днем, когда солнце встает над тайгой,
Светит ей радостный луч золотой.

...Ручеек звенит, волною блестя.
Ветер летит, травой шелестя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Близ Хан-Харасуга шумит тайга,
Молодая, как утро, поет тайга.
Мохнатые ветви тянет она
К зеленой цветистой поляне она.
А там, на поляне, стоит шалаш.
Листвою зеленою скрыт шалаш.
Стоит одиноко шалаш травяной.
В нем дочь Албыгана живет под горой.

У прекрасного утра — прекрасна заря.
Прекрасная дочка богатыря
Не по дням, по часам на глазах растет,
Шестьдесят косичек по утрам плетет,
Слушая птичек лесных голоса,
Любуясь—как ярко блестит роса.
Одежда ее из душистых цветов.
Надежда ее на богатый улов.
Живет, одиноко, не зная забот.
Но черная тень, словно туча, идет.

Однажды сиротка к ручью подошла,
Плетеную вершу рукой подняла.
Огорчилась, скупой проклиная свет.
Ни одной рыбешки в верше нет!
Голодную ночь провела в шалаше,
Горечь, как камень, лежала в душе.

На утро снова пришла к ручью,
Торопясь взглянуть на добычу свою.
Снова скупой проклинала свет.
Ни одной рыбешки на завтрак нет!

Голодная шла с болью в душе
Горькую ночь коротать в шалаше...

На третий день поднялась с трудом,
До Хан-Харасуга добралась ползком.
Вынула вершу, а рыбы нет.
Померк для девушки солнечный свет.
Легла в шалаше, как береста, бела.
В голоде ночь с трудом провела,
В жажде, в тоске эту ночь провела.

Где же ты, сила? Руки не поднять...
Где же ты, радость? Ногой не ступить...
Ночью мороз ее будет терзать,
Днем ее жажда будет томить.
Бедная, смерти она не ждала.
Медленно смерть за добычей шла.

...Весело светит крутой небосвод.
Вдруг она слышит кукушка поет.
Вещая птица кого-то зовет,
Вечным покоем уснуть не дает.
Веки открылись, а сердце стучит,
Вещая птица ей так говорит:

— «Слушай, уснувшая с болью в груди,
Слушай, забывшая жизни красу.
Счастье лежит у тебя впереди,
Счастье тебе я сейчас принесу.
Статная, встань и покинь свой шалаш,
Силу свою ты для жизни отдашь.

В тайге трехветвистый увидишь саргай[24]
Три стебелька ты рукой не срывай.
Выкопай белые корни его.
В даль посмотри, не сказав ничего,
Вдали ты увидишь вершину земли,
Ветер просторов увидишь вдали.

Гордо взойди на крутой перевал.
Камень там белый когда-то стоял.
Облик коня ему ветер придал,
Дождь его щедро водой поливал.
Рядом увидишь ты камень другой —
Синий камень с мужской головой.

Возьми трехветвистый саргай поскорей,
Отломи и пожуй один из корней

И выплюнь саргая чудесный сок
Каменной лошади прямо в висок.
Корень второй пожуй на зубах
И плюнь в синий камень, отбросив страх.
А третий корень, пожевав, проглоти.
Счастье тебя ожидает в пути,
Радость твоя польет через край.
Счастье тебе принесет саргай,
Брата тебе вернет саргай.
Имя которому — Хулатай.

Вернись ты в шалаш той же тропой,
Там ты увидишь сундук [25] большой.
Быстро сундук тот волшебный открой —
Брызнет искрами свет золотой.
Будет сиять и гореть пред тобой
Блеском жемчужным наряд дорогой.

Одень наряд и возьми на часок
С золотыми коймами белый платок.
Трижды шалаш свой вокруг обойдешь,
Трижды платком дорогим махнешь.
И тогда, славная, увидишь ты
Юрту шестиглавую такой красоты,
Какой ты не видела никогда,
Какой не запомнят былые года.

Слушай, уснувшая с болью в груди.
Слушай, забывшая жизни красу.
Счастье лежит у тебя впереди,
Счастье тебе я сейчас принесу.
Твой отец Албыган — ты это знай.
Твоя мать Ай-Арх — помни ее.
Брат твой родимый — Хулатай.
Чарых-Кеек имя твое.

Только смотри — здесь не ночуй.
Толком запомни слово мое.
Ты полетишь в дальний улус,
К чудной земле, Чарых-Кеек.
Вещей кукушкою будешь лететь,
На сосен верхушки будешь смотреть.

Много раз Хулатай—твой брат
Землю объехал, силой богат.
Много убил он богатырей,
Которые были злее зверей.
Только не выкормил он за свой век

Ни одного жеребенка, сухой человек.
Сироту не пригрел, не воспитал,
Бедным людям не помогал, —
За черствость свою каменным стал.

Верю и знаю я — время придет:
В море вот здесь превратится ручей,
На месте тайги пастись будет скот,
И радостной будет жизнь для людей!»

Смолкла кукушка. Шум крыльев тугих
Где-то за дальней горою затих.
Встала, уснувшая с болью в груди,
Встала, забывшая жизни красу,
Видит — сияет ей свет впереди,
Видит, саргай расцветает в лесу.

Стеблей не срывая, копать начала.
Корни саргая с собою взяла,
Ветви саргая с собою взяла,
Быстро взошла на крутой перевал.
Там на вершине камень стоял,
Облик коня ему ветер придал,
Дождь его спину водой поливал.

В ладонях зажала концы ветвей,
Отломив, пожевала один из корней.
И плюнула соком Чарых-Кеек
Каменной лошади прямо в висок,
И с шумом упал кремневый наряд
И встала лошадь — Хара-Хулат.

Корень второй взяла она в рот,
Корень второй быстро жует,
В синий камень соком плюет.
Камень упал у нее на глазах.
Комом в груди шевельнулся страх,
Катится эхо в далеких горах...

Пятится девушка — перед ней
Богатырь поднялся из груды камней.
Корень саргая схватила она,
Страх отгоняя, жует она,
Соки саргая пьет она.

Сразу забилось сердце ее,
Все помутилось в глазах у нее,
Упал к ногам травяной покров —

Одежда ее из травы и цветов,
Плечи красивые обнажив,
Груди прелестные обнажив.

Стыд пробежал по спине, как мороз.
Грудь прикрыли пятьдесят кос.
Спину закрыли шестьдесят кос.
Богатырь, восхитясь, словно к месту прирос,
С губ не слетит ни один вопрос.

Бросив на брата испуганный взгляд,
Чарых-Кеек обернулась назад.
Скрыться от глаз любопытных спеша,
Стрелой долетела до шалаша.
За ней поспешил Хулатай — ее брат,
И конь его верный Хара-Хулат.

Сказал Хулатай: — Счастье мое!
Меня, мертвеца, из камней подняла,
Потухший огонь ты, радость, зажгла,
Друга-коня в награду дала.
Наверно, скрываешься от войны,
Наверно, от стада отбилась ты,
Наверно, от голода плачешь ты,
Только теперь не унывай —
Накормит тебя богатырь Хулатай.

...Смолк в отдаленьи копытный стук.
Увидела девушка белый сундук.
Тронула крышку поспешной рукой —
Брызнул искрами свет золотой,
Блеском сиял там наряд дорогой,
Белый платок с лучезарной каймой.

Быстро оделась Чарых-Кеек.
Взяла осторожно белый платок.
Трижды шалаш свой вокруг обошла,
Трижды платком помахала она —
Таких чудес и не знала она,
Такой красоты не видала она.

Хулатай, возвратясь, удивленно глядит:
Нет шалаша, юрта стоит,
Много объехал земель Хулатай —
Видел хоромы у разных царей,
Видел палаты у разных князей,
Много чудес он на свете узнал—
Но юрты такой нигде не видал.

К золотому столбу он коня привязал,
В юрту вошел и сестру не узнал.
Низкий отвесил хозяйке поклон,
Ласково с ней поздоровался он,
Молча сел у стены на кровать.
Девушка стала стол накрывать,
Родного гостя спеша угощать.

Много объехал земель Хулатай —
Видел яства у разных царей,
Видел напитки у разных князей,
Много чудес он на свете узнал,
Но таких угощений нигде не видал.

— Эк-кей, дорогая!—Сказал Хулатай,—
Меня мертвеца, из камней подняла,
Потухший огонь, ты, радость, зажгла,
Друга—коня в награду дала.
Не мучь же молчаньем сердце мое,
Скажи дрогоценное имя свое.

— Эк-кей! — Отвечала ему сестра, —
Как огонь и угли одного костра,
Так и мы с тобою брат и сестра.
Албыган наш отец—ты это знай.
Ай-Арх — наша мать. Помни ее.
Брат ты мне с именем Хулатай,
Чарых-Кеек имя мое.

Вскочил Хулатай и сестру обнял,
От счастья нежданного зарыдал:
«Отцовскую юрту враг разорил.
Отец Албыган свои кости сложил.
Материнский уют нарушен врагом.
Мать Ай-Арх убита мечом.

— Не раз бы я землю вокруг обскакал,
Всегда б одиноким себя считал,
Всегда сиротою один бы ходил,
С тоскою досуги свои бы делил.
А тут, оказалось, сестрица есть,
Любовь, и жалость, и счастье есть!»

Как птицы, летящие в край чужой,
Как кони, идущие на водопой,
Встретились радостно брат с сестрой[26].
Счастье каждый из них нашел.

Снова сели они за стол.
Насыщаясь мясом, желудки полнеют.
Сильно истощенные сразу жиреют,
Впалые бока от еды полнеют,
Бледные щеки ярко краснеют.

Пока брат с сестрою вели разговор
Солнце склонилось к вершинам гор.
...Вышла из юрты Чарых-Кеек.
Взглянула с тоскою на алый закат.
Вскинула руки, как крылья она,
Светлой кукушкою стала она
И полетела к небу она
Туда, где бледнела вдали луна.

Молча сестру Хулатай ожидал.
Тихо с тревогой слова шептал:
—«Как тебя, милая, долго нет!
Ярче становится лунный свет.
Черною силой страшна луна[27]
Как бы тебя не схватила она!
Как бы не съел тебя хищный зверь
С пастью огромной, как эта дверь!»

Вышел из юрты—сестрицы нет.
Ярче становится лунный свет.
Видит: кукушка летит от огня.
Крикнул: «Вернись, не бросай меня!»
Голос сестры вдруг зазвучал —
То затухал, то нарастал.

—«Брат мой, брат мой,
Брат Хулатай!
Землю родную оберегай!
Реки от недругов оберегай!
Знаю я, верю—время придет,
В море вот здесь превратится ручей,
В лугах привольно пастись будет скот.
И радостной будет жизнь для людей!»

...Со стоном на землю упал Хулатай.
Горько тогда зарыдал Хулатай.
Покоя не зная, сестру зовет...
...Лучами сияя, солнце встает,
Возле столба, где конь стоит,
Горе познавший недвижно лежит.

———

Крыльев могучих шум услыхал.
Птичьих перьев свист услыхал.
Белого лебедя[28] над собой увидал.
Летит этот лебедь и говорит:
—«С надеждой летела я в эти края:
Молодца увижу—думала я.
А вижу собака воет внизу,
Собачью судьбу проклинает свою.
...С надеждой летела я в эти края:
Мудрость увижу—думала я.
Но ветер надежду мою унес:
У столба лежит бешеный пес»!

—Погоди, белый лебедь!
—Хулатай закричал,—
Злобой кипит обида моя!
Таких лебедей видывал я!
...В белую юрту он забежал,
Богатырский лук и стрелу взял,
В лебедя целясь, спустил тетиву —
Стрела полетела, свистя, в синеву.

Подстреленный лебедь камнем упал.
Хулатай за добычею поскакал,
Подъехал и видит: не лебедь убит —
Мертвая девушка здесь лежит.
Плечи закрыли—пятьдесят кос,
Спину закрыли—шестьдесят кос...

Спрыгнул с коня, вынул стрелу,
Кровь из груди полилась на траву.
Хулатай подумал:—«Умел я убить,
Как же сумею ее оживить!»

Начал себя по коленям бить,
Начал слезы горячие лить:
—«Невестой ты, может, моею была!
Зачем же взяла себе два крыла,
Белые перья одела зачем,
Птицей крылатой летела зачем».
И снова плачет в тоске Хулатай:
—«Была б человеком, со мной бы жила!
Зачем же взяла себе два крыла.
Белые перья одела зачем,
Птицей крылатой летела зачем».

Так Хулатай рыдал три дня,
Потом убитую положил на коня,

К юрте привез, коня привязал,
Красавицу молча на руки взял.
И только к постели ее поднес —
Труп этой девушки камнем оброс,
Окаменело лицо ее,
Окаменело тело ее.

На каменном теле писал Хулатай:
—«Каждый живущий помни и знай:
Всю землю обширную обойди,
Под небом сияющим все обойди,
Обшарь, обыщи весь белый свет —
Краше жены Хулатая нет.

Сам Хулатай поехал искать
То, чем можно жену поднять,
То, чем можно ее разбудить,
К жизни, цветущую, воскресить.
Тот, кто захочет ее унести
Пусть думает лучше, как жизнь спасти.
Но, когда я снова приеду сюда —
Настигнет унесшего злая беда.
Заставлю кости свои глодать,
Заставлю кровь у себя сосать».

Долго стоял он, лишенный сил.
Жену одеялом любовно накрыл,
Полог нарядный рукой опустил.
Вышел из юрты, вскочил на коня.
К кургану подъехал, уздою звеня,
Огромный каменный столб разыскал,
От земли оторвав, на седло поднял,
Коня повернул и назад поскакал,
Камнем дверь юрты легко завалил,
Хара-Хулата галопом пустил.

Мчался вперед Хара-Хулат
Туда, где цветет пышно закат...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В степях недалеко от земли той,
Где проживал Хулатай с сестрой,
Край растилался совсем другой.

Крутой каменистый перевал
Огромного моря сдерживал вал.
Прекрасная Алып-Хан-Хыс[29] там жила,
Стада на лугах буйнотравых пасла.

Хан-Мерген[30] ее младший брат,
Одев дорогой и красивый наряд,
Шапку дорогую одев,
Звонкую сбрую на коня одев,
Поехал забавы себе искать,
Решил за славою поскакать.

На перевал он заехал шажком.
Хитрым глазом огляделся кругом —
Земля Ах-Хана[31] впереди лежит,
Полог тумана в небе висит.
Ударил коня Хан-Мерген рукой,
Поехал прямо густою тайгой.
Видит: ручей по тайге течет,
Берег извилистый вдаль ведет.

На земле Ах-Хана людей не видать.
Но вот поляну пришлось проезжать.
Хан-Мерген удивленно глядит:
Шестиглавая юрта[32] пред ним стоит.

К столбу привязал коня Хан-Мерген,
Косясь на убранство нарядных стен.
Завалена дверь курганной плитой.
Не сдвинуть ее ни рукой, ни ногой,
Молодец Хан-Мерген в раздумьи стоит
И так рассуждая, на скалу глядит:
«Зачем я буду народ гневить —
Нельзя без хозяина в юрту входить.
Хозяйка, наверно, пошла за водой.
Подожду ее здесь часок, другой»...

...Долго он ждал и дождаться не мог,
Подошел к скале, чтоб ступить на порог,
Плечом попробовал юрту открыть,
Спиною толкал, чтобы камень свалить.
Грудью налег и оттолкнул,
Через порог быстро шагнул.

Вошел и видит: стоят на столе
Яства, каких не видал на земле.
Тихо вокруг, никого не видать.
Сбоку присел Хан-Мерген на кровать.
Смотрит на полог, что рядом висит —
Хозяин, кажется, крепко спит...

Долго сидел, озираясь кругом,
И вдруг решил—кашлянул баском,
За полог спеша заглянуть глазком.

Никто не поднялся. Тогда Хан-Мерген
Встал, не чуя дрожи колен,
Пола не чуя под собой,
Полог поднял робкой рукой.

Девушку спящую видит он,
Красоту слепящую видит он.
Сел на кровать, она не встает.
Даже рукою не шевельнет.
Хотел отвесить низкий поклон —
Камня сырость почуял он,
Камня холод почувствовал он.

На каменном теле прочел Хан-Мерген:
«Каждый живущий помни и знай —
Всю землю обширную обойди,
Под небом сияющим все обойди,
Обшарь, обыщи весь белый свет —
Краше жены Хулатая нет.

———

Сам Хулатай поехал искать
То, чем можно жену поднять,
То, чем можно ее разбудить,
К жизни цветущую воскресить.
Тот, кто захочет ее унести,
Пусть думает лучше, как жизнь спасти.
Но, когда я снова приеду сюда, —
Настигнет унесшего злая беда.
Заставлю кости свои глодать!
Заставлю кровь у себя сосать!»

Думал встревоженный Хан-Мерген:
— На землю Ах-Хана еду я,
Еду за счастьем по следу я.
Лучшие кони туда сведены,
Богатыри там сильны и стройны.
Для честной битвы они собрались,
Как речки в море, они слились.

С ними бороться буду и я.
И, если согнется сила моя,
Мне не придется на свете жить,
Мне головы на плечах не носить.
Хулатай побоищам всегда рад.
На битву примчит его Хара-Хулат.
Земля велика и живет на ней
Немало испытанных богатырей.
Может, окажется хилым он!
Может, нарвется на силу он!

А я Хулатая жену увезу,
Перед сестрой пущу слезу.
Пусть помашет волшебным платком,
Чудным бичом с золотым черенком,
Чтоб жену Хулатая скорей оживить.
Горя не зная, буду я жить...

Так решил Хан-Мерген хитрец.
С каменным телом домой поскакал.
Через тайгу он путь пробивал.
Очень спешил Хан-Мерген молодец.
В улусах смеялся над ним народ:
— «Смотрите, какую он штуку везет!
Хвалился красавицу привезти,
Да видно камень нашел по пути!»

В юрту Хан-Хыс вошел Хан-Мерген.
Положил красный камень на стол золотой.
Сестра Хан-Хыс сказала: — Родной!
Привез ты странную вещь домой.
Кого нежданно захватил в плен?
— Жену я привез!—отвечал Хан-Мерген.

Быстро Хан-Хыс к столу подошла,
На каменном теле надпись прочла,
Ту, что писал богатырь Хулатай:
«Каждый живущий помни и знай»...

Взад и вперед Хан-Мерген ходил,
А сам льстивым голосом говорил:
— «Подумай, сестрица, о брате своем,
Под одною крышей с тобой мы живем.
На землю Ах-Хана еду я,
Еду за счастьем по следу я...
Лучшие кони туда сведены.
Богатыри там сильны и стройны,
Для честной битвы они собрались,
Как реки в море, они слились.
С ними бороться буду и я,
И, если согнется сила моя,
Мне не придется на свете жить,
Мне головы на плечах не сносить...

Хулатай побоищам всегда рад.
На битву примчит его Хара-Хулат.
Земля велика и живет на ней
Немало испытанных богатырей.
Может, окажется хилым он!
Может, нарвется на силу он!

А я Хулатая жену украл,
Через реки и горы к тебе прискакал.
Помаши, сестрица, волшебным платком,
Чудным бичом с золотым черенком,
Чтоб жену Хулатая скорей оживить.
Горя не зная, буду я жить.

— Оживи мне жену!—Хан-Мерген попросил,—
Сестрица, мне свет без нее не мил!
Хан-Хыс говорит: — Опомнись, мой брат!
Хан-Мерген кричит: — Оживи мне жену!
Неужели заставишь везти назад
Куда-то в далекую сторону!

Если не выполнишь просьбу мою —
Меня не увидишь в родном краю!
Ты мне не сестра, я тебе не брат.
Уеду туда, куда брошу взгляд.
И не вернешь ты меня назад!

Хан-Хыс отвечала: — Ну, что ж, поезжай!
Жену получит один Хулатай.

Зубами от злости брат заскрипел.
Как луна, круглый пёрик одел.
— Сестра моя, слышишь, навек прощай!
Хан-Хыс отвечала:—Ну что ж, поезжай!

Со злостью вскочил Хан-Мерген на коня,
Поехал вперед надежду храня.
Ждал он, что скажет сестра: — Вернись!
...Из юрты даже не вышла Хан-Хыс.

Вот уж поднялся на перевал,
Но голос сестры не услыхал.
Была непреклонной Алып-Хан-Хыс.
Ни разу ему не сказала: — Вернись!

Злоба в груди жжет сильнее огня.
Дернул узду, не жалея коня.
Вздыбился конь до небесных высот.
Седок поводьев коню не дает,
По большому, как степь, стегну его бьет.

Как вихрь, понесся рассерженный конь,
Через реки скачет взмыленный конь,
Через степи проносится, как огонь,
В чужие земли он прискакал,
Чужие воды в ручьях увидал.
Перевалы материнской земли родной
Далеко оставлены за спиной.
Высятся хребты чужих краев,
Видны следы чужих табунов.
Об отцовской прекрасной земле родной
Осталась лишь память в душе молодой.

С тревогой скакал Хан-Мерген в пыли.
Туда, где виден хребет земли,
Где перевал чернеет вдали.
Плеть подбавляла лошади сил.
На грудь перевала конь заскочил.

———

Взглянул Хан-Мерген за перевал.
Край незнакомый пред ним лежал.
Пустынные белые степи там,
Громадное тело чернеет там.
Что там такое — не разобрать,
Человеком нельзя назвать,
Черным зверем нельзя назвать.

Тогда Хан-Мерген подумал так:
— Что-то большое увидел я.
Слышал, большого бояться нельзя,
Слышал, большой боится сам.
Надо, мой конь, храбриться нам.
Подъехал поближе, тулага[33] приподнял
И тут от страха чуть не упал.

Стоит внушающая дикий страх[34]
На черной кобыле о трех ногах.
Лицом страшилище земли черней,
Сажени нехватит между ушей,
Пестро змеиные косы у ней,
Глаза лягушачьи раскосы у ней.

Хан-Мерген от испуга:—Здравствуй!—сказал
И сразу нежданный ответ услыхал:
— «Здравствуй жених, Хан-Мерген мой,
Наконец-то, встретились мы с тобой!»
Хан-Мерген чуть-чуть не свалился с коня,
Сказал: — Узнающая меня,
Кто ты, скажи мне, души не тая,
Зачем приехала в эти края?

— «Вышла из болотной тины я,
Отца Юзут-хана покинула я,
Юзут-Арх[35] — девушка я,
За женихом приехала в ваши края.
Ехала, думая лишь о том,
Какой богатырь будет мне женихом.
Кто первый мне встретится на пути,
За того и замуж придется пойти.
Ты первый мне встретился в поле чужом,
Так, значит, будешь ты мне женихом.
Радуйся, милый жених мой,
Теперь ты навеки уйдешь со мной.
У моря спокойного будем жить,
Тебя я лягушками буду кормить,
Ящериц буду тебе ловить,
Болотной водой щедро поить».

Подумал в отчаяньи Хан-Мерген:
«Как же оставить нежданный плен!»
— Юзут-Арх! — он громко вскричал, —
Твоего жениха я давно знал!
— Кто же жених мой, отвечай!
— Тебе в женихи наречен Хулатай.
Он землю вокруг всю обскакал,
Тебя, невесту, повсюду искал.

Юзут-Арх сказала: — «Не знаю пути,
Чтоб Хулатая быстро найти.
Блуждает где-то, как ветер, он —
Много у света разных сторон.
Ты первый мне встретился в поле чужом.
Так, значит, и будешь мне женихом.
Тебя, Хан-Мерген, я давно ищу.
Тебя я, красавец, не отпущу».

Хан-Мерген взмолился: — Прошу, отпусти,
Я берусь Хулатая тебе найти!
— Как скоро найдешь? — Юзут-Арх говорит.
— Три года мне дай! — Хан-Мерген говорит.
— Ой, ой, как много пройдет дней!
Мы можем иметь уже трех детей.
— Найду за два года! — Хан-Мерген кричит.
— Ой,ой, как много дней пролетит!
Пока эти дни будут лететь—
Двух младенцев мы будем иметь.

— Ладно! Найду через год Хулатая! —
Сказал Хан-Мерген, судьбу проклиная.
— Ну, что же, — ответила, — поезжай.
Через двенадцать месяцев богатырь Хулатай
Должен рядом со мною стоять.
Иначе — счастья тебе не видать.
Прискачет к тебе на трех ногах
Кобыла моя, наводящая страх.
Перед тобою, гривой звеня,
Встанет горою средь белого дня,
Слышишь ли ты, несчастный, меня!?

Каждое слово Хан-Мерген слыхал.
Прочь от страшилища поскакал.
Едет рыдает: — Алып-Хан-Хыс!
Почему не сказала тогда: — Вернись!
Почему тебя не послушал я!
Зачем прискакал в чужие края!

Как Хулатая смогу найти,
Если не знаю его пути?

Едет рыдает Хан-Мерген:
— Сестра, родная, Алып-Хан-Хыс,
Почему не сказала: — Братец, вернись!
Как я буду с чудовищем жить,
Придется в болоте косточкам гнить!

Думал встревоженный Хан-Мерген:
— Нет, не найду я, в степях Хулатая!
Он на коне, словно ветер, летает.
Поеду за счастьем по следу я.
На землю Ах-Хана поеду я.
Лучшие кони туда сведены,
Богатыри там сильны и стройны,
На большую свадьбу они собрались,
Как реки в море, они слились.
Не может быть, чтоб никто не знал!
Куда Хулатай-богатырь ускакал!

Он въехал галопом на перевал,
Белое море вдали увидал.
Полог тумана в небе висит.
Земля Ах-Хана внизу лежит.
Народ трудящийся там живет,
Ханский скот на лугах пасет.

Видит: столько сошлось людей,
В одну юрту не вместить гостей,
У одного столба не привязать коней.
— «Как же, — подумал, — мне их обмануть.
Как же узнать Хулатая путь?»
И вдруг улыбкой оскалил рот:
— Обмануть я сумею простой народ!

Стрелой Хан-Мерген с перевала летит.
В руке полумесяцем меч горит.
Ногами под брюхом коня щекочет,
Летит по улусу, а сам хохочет,
Истошным голосом дико орет,
Так что сбежался вокруг народ.

— Стой! Нечистая сила! — кричит.
— Совсем ты меня уморила! — кричит.
Сверху шкура, внутри кишка,[36]
Совсем ты не слушаешь седока!

Примчала меня дорогой прямой
С одного края земли на другой.

Лошадь направив на народ,
Истошным голосом страшно орет,
Ногами щекочет под брюхом коня,
Машет мечом, сталью звеня.
— Эй, вы, стадо богатырей,
Кто хочет жить, говори скорей!

Кто Хулатая укажет мне,
Где он сейчас в какой стороне?
Если не скажете, на всем скаку
Пустые головы отсеку.

Испуганным голосом кто-то сказал:
— Я, я, Хулатая видал!
С Алтын-тееком[37] они враги.
За перевалом возле тайги,
Который уж день дерутся они.
Не знаю, когда разойдутся они.
Алтын-Тееку уж свет не мил.
Он в битве лишился последних сил.
Сестру Алтын-Поос[38] в обмен посулил,
И Хулатай его не убил.

—Ну, ладно!—Вскричал Хан-Мерген хитрец,
За то, что сказал, ты — молодец.
А то бы всем головы поотрубал!
...И смеясь, уехал за перевал.

Смех услыхали богатыри,
Хан-Мергена узнали они.
С досады, опомнясь, на землю плюют,
Свою доверчивость горько клянут:

— «Да если б мы знали, что это он,
Мы б его смяли со всех сторон!»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда Хулатай с Тееком дрались,
К ним подъехала Алып-Хан-Хыс.
— Где же ваш разум?—сказала она, —
Кому ваша драка сейчас нужна?!
Кому ваши ссоры сейчас нужны?!
Врагу Юзут-Хану—царю войны!
Бросьте мечи, поезжайте за мной.
Я награжу Хулатая женой.

...Слова отрезвили богатырей.
Стыдно им стало драки своей.
Руки друг другу пожали они,
Следом за ней поскакали они.
В юрте сели они на кровать.
Стала хозяйка стол накрывать,
Спеша желанных гостей угощать.

Потом поднялась и открыла без слов
На сундуке девять замков.
С девичьим обликом гранит подняла,
Бич с золотою ручкой взяла.
Положив на кровать тело ничком,
О камень три раза хлестнула бичом,
В каменных жилах кровь разбудив,
Сердце остывшее вновь оживив.
Окаменелость с лица сошла,
Окаменелость с тела сошла.

Только не дышит девичья грудь,
Вздохом свободным не может вздохнуть.
Тогда Хан-Хыс взмахнула платком
Над крепко сжатым девичьим ртом —

Губы разжались, грудь поднялась,
Открылись ресницы прекрасных глаз.
Вздохом свободным вздохнув глубоко,
Красавица встала на ноги легко.

Хулатай удивленно глядит на нее,
Взгляд восхищенный не сводит с нее,
Слово боится одно проронить...
Наконец, решился ее спросить:
— На какой земле тебя мать родила?
Из какой реки ты воду пила?

— Кто были твои отец и мать?
Как повелели тебя называть?
Кем ты на родине милой была?
Зачем же взяла себе два крыла?
Белые перья одела зачем?
Птицей крылатой летела зачем?

И так ему девушка говорит:
— «С надеждой летела я в эти края.
Молодца увижу — думала я.
В отцовской солнечной стороне
Тоскуют родимые обо мне.
За песчаным хребтом у моря живут.
Дочку свою дни и ночи ждут,

Арган[39] мой отец, Ай-Арго[40] моя мать,
Чибек-Арх велели меня называть.
От горя страдает родная страна —
Закатом пылает лихая война.
К тебе полетела я, Хулатай,
Чтоб спас от врагов ты родимый край.
С надеждой летела я в эти края.
Защитника встречу — думала я,
Но ветер надежду мою унес.
Ты выл у столба, как бешеный пес...»

...Пока разговор они так вели
Хан-Хыс собрала всех людей земли.
На пир, на гулянье, за праздничный стол,
Чтоб каждый на свадьбе веселье нашел,
Чтоб каждый отсюда счастливым ушел.

Девять дней и девять ночей
Свадьба бурлила, как горный ручей.

...Каждому времени есть предел.
Девятый месяц так пролетел.
Чибек-Арх ребенка отцу родила,
Радость и счастье ему дала.
Говорили люди: — Богатырь рожден!
Крепким и сильным выглядит он,
Ногти — монеты из серебра,
Волосы—пламя большого костра.

Хан-Мерген однажды ночною порой
Мальчика выкрал из юрты чужой,
К Юзут-Арх привез, на колени встал
И льстивым голосом прошептал:
— Хулатай тебе сына в подарок прислал!

— А когда он придет? Почему его нет?
Видно тебе надоел белый свет?!
Хан-Мерген закричал: — Не убивай!
Завтра прискачет к тебе Хулатай.

...В тревоге скакал Хан-Мерген на восток.
Похвастаться силой своей он не мог,
Но хитрости было достаточно в нем.
Еще он гордился лихим конем,
Повсюду хвалился званьем своим,
Нарядом чванился дорогим.

К Алтын-Тееку приехал он.
Видит: у столба кони стоят
И тут же привязан Хара-Хулат.
Хан-Мерген в руке бич зажал,
В хозяйскую юрту быстро вбежал.
Видит: сидит Хулатай за столом,
Совсем опьяненный крепким вином.

Хан-Мерген его по лбу ударил раз —
Но тот не открыл затуманенных глаз.
По щеке с силой бичом щелкнул —
Но тот головою не повернул.
Хан-Мерген начал тогда рыдать,
Бичом по коленям себя хлестать.
— Искал я тебя три дня, Хулатай,
Скорее от чорта сына спасай!

Очнулся от крика Хулатай:
— Что с тобой, Хан-Мерген, прошу, не рыдай!
Но тот голову низко склонил,
Быстро руками глаза наслюнил.

Гладит, как друга, его Хулатай:
— Не плачь, Хан-Мерген, прошу, не рыдай!

— Да как же не плакать,—сказал Хан-Мерген,—
Сынок твой захвачен врагами в плен!
Пока ты тут был, чорт прискакал,
Новорожденного сына с собою взял.
Да ладно, что мимо я проезжал —
Средь белой степи врага задержал.
Долго с ним бился один на один
В горах незнакомых, среди долин.
Искал я тебя три дня, Хулатай,
Скорее от чорта сына спасай!

От этих слов Хулатай отрезвел.
Поспешно доспехами зазвенел,
За собою их по полу волоча,
Никому ничего не сказав сгоряча.
Был он страшен в порыве своем —
С глазами горящими, с белым лицом.

Успел Хан-Мерген задать вопрос:
— А что теперь будет с Алтын-Поос?
— Ты ее заслужил! — Хулатай сказал.
...Алтын-Теек с крыльца наблюдал,
Весь разговор до конца слыхал

Ликованья полна Хан-Мергена душа:
Алтын-Теека сестра хороша!
— Слышал, Теек, что сказал Хулатай.
Теперь мне в жены сестру отдай,
За то, что услугу я вам оказал,
За то, что я был, как ветер, удал!
На свадьбе пускай не прольет слез
Жена моя славная Алтын-Поос.

...С места рванул Хара-Хулат.
Горы и реки летят назад.
Скачет смело конь боевой,
Вытянув тело длинной стрелой, —
Передние ноги на одной горе,
Задние ноги на другой горе.

У коня такая смелая прыть,
Что трудно скачки его уследить—
Открытых глаз не успеешь закрыть,
Закрытых глаз не успеешь открыть[42].

Полог тумана в небе висит.
Земля Ах-Хана внизу лежит.
Богатыри удивленно глядят:
Как гром, топочет Хара-Хулат.
Страшен Хулатая взлохмаченный вид.
Пёрик сверкая, в руке звенит.

И так подумали богатыри:
— Знать Хан-Мерген очень силен,
Раз Хулатая так гонит он!
Сильней Хулатая средь нас не сыскать,
Но даже ему пришлось убегать!
Смотри, он шапку одеть не успел!
Смотри, от испуга он побелел!

А тот, который Хан-Мергену сказал,
Что Хулатая в тайге видал,
Начал хвалиться: — Всех вас
Тогда я от смерти геройски спас!
Если б его разозлили мы,
Давно бы здесь и не жили мы!

Много было в толпе суеты.
Богатыри глядели, разинув рты.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Взглянул Хулатай за перевал.
Край незнакомый пред ним лежал.
Пустынные белые степи там.
Громадное тело чернеет там.
Что там такое не разобрать—
Черным зверем нельзя назвать,
Человеком нельзя назвать.

— «Хан-Мерген родился, видать, молодцом,
Раз сумел сразиться с таким врагом!»
Хулатай так подумал, щит приподнял,
К громаде чернеющей поскакал.
Остановился, как вкопанный, Хара-Хулат,
Потом попятился с храпом назад.

Стоит внушающая дикий страх
На черной кобыле о трех ногах.
Каменный панцырь не прошибить,
С ног ударом не повалить.

— Здравствуй, жених, Хулатай мой!
Наконец-то, встретились мы с тобой!
Иди ко мне! — Юзут-Арх говорит,
На трехногой кобыле скалой торчит.
Пестро-змеиные косы у ней,
Глаза лягушачьи раскосы у ней,
Сажени нехватит между ушей.

— «Здравствуй, милый жених мой,
К отцу Юзут-хану уйдешь ты со мной,
В болотной тине мы будем жить.
Тебя я лягушками буду кормить,
Ящериц буду тебе ловить,
Болотной водою щедро поить!»

Хулатай подумал: — «Мечом не взять,
А если кобылу в беге загнать,
Тогда трехногую легче сбить,
Легче чудовище повалить».
Так он и сделал. Коня повернул,
За спиною слыша топот и гул.
Шесть стран без устали обскакал
И только коня чуть-чуть задержал.
Видит — чудовище рядом стоит,
На трех ногах из земли торчит.

И снова голос звучит глухой:
— Хулатай, мой жених, куда ты, постой!
Стал от любви ты совсем шальной.
Радуйся, милый жених мой,
Теперь ты навеки уйдешь со мной.

...Злоба в груди жжет сильнее огня.
Дернул узду, не жалея коня.
Вздыбился конь до небесных высот,
Собой заслонил крутой небосвод.
Хулатай устремляет коня вперед,
По большому, как степь, стегну его бьет.
Проскакал три страны махом одним.
И снова чудовище перед ним.
Пищит тонким голосом, словно мышь:
— «Никуда от меня не убежишь!»

Тогда Хулатай, не жалея сил,
На землю чудовище повалил.
Начал ногами мять и топтать,
Начал руками страшно душить.
Юзут-Арх успела его обнять,
Своими ручищами охватить.
Три раза ударила по спине,
И вдруг Хулатай точно во сне,
На грудь голову тихо склонил,
Руки могучие опустил.

Его обманом взяла она.
В глазах туманная пелена.
В голове какой-то неясный шум,
В душе смятенье всех чувств и дум.
Теперь он женою ее зовет,
За грубость себя нещадно клянет...

С песнями сели они на коней,
Поцеловались и обнялись,
В болотную тину, ветра быстрей,
С шумом и грохотом понеслись.
Злей Юзут-Арх нигде не найти —
Семь ханов разграбила по пути,
Вокруг истребляя пасущийся скот,
В плен угоняя простой народ.

Юзут-Арх в своей юрте кричит: — Хулатай,
А ну-ка, сыночка скорее подай.
Откинула змеиные косы она,
Глазами раскосыми смотрит она,
Сосок толкает мальчику в рот,
А тот упрямится, не берет,
Головкой вертит, ножками бьет.
Юзут-Арх кричит: — Он какой-то урод!
Материнскую грудь никак не сосет.
Совсем мальчишка на меня не похож.
Скорее возьмите отточенный нож,
Зарежьте, сварите, я его съем,
А то он меня изведет совсем!

Но тут, пересилив душевный страх,
Прибежала невольница Ай-Арх
— «Зачем же, — сказала, — дитя убивать?
Пройдет шесть дней — он будет сосать.
А сейчас ему надо побольше спать».

Быстро она собрала народ,
Сказала: — Пусть каждый подарки несет,
Арага за столом пусть рекой течет.
Надо младенца нам выручать,
Будем хозяйку мы поздравлять,
Силу и храбрость ее прославлять!»

Долго той[44] продолжался хмельной,
Юзут-Арх набивала утробу едой,
Запивая баранину арагой,
Хулатая обняв правой рукой.
На 12 день свалились они,
Как обгорелые черные пни.

Ночь наступила. Вокруг тишина.
В небе стоит одиноко луна.
Только не спит Ай-Арх одна,
Мальчика быстро берет она.
Тенью из белой юрты спешит,
Каждым мгновеньем дорожит,
Смотрит с опаскою на небосвод,
Хара-Хулата тихо зовет.

Конь боевой, рожденный в степи,
Стоит у столба, как пес на цепи.
Стреножен путами Хара-Хулат,
Под кожей дугами ребра торчат.

Путы стальные с ног сняла,
Руками ослабила удила.
— Хара-Хулат мой, конь боевой,
Как наглумились они над тобой!
Так Ай-Арх говорит с тоской,
Гладит коня нежной рукой.

— Хара-Хулат мой, конь удалой,
Скачи без устали в край родной.
Там ты найдешь покой и приют,
Может, защитники наши придут,
От гибели страшной всех нас спасут! —
Долю невольничью горько кляня,
Посадила мальчика на коня.

— «Под сердцем тебя не хранила я,
Грудью тебя не кормила я.
Вырастешь, станешь ты молодцом,
Со светлой душою, с чистым лицом.
К счастью народа найдешь ты путь
Только меня, смотри, не забудь!»

С такими словами пустила коня.
Вновь пробудилась сила коня.
Как тень, бесшумен Хара-Хулат,

Копыта топота не издают.
Только горы летят назад,
Только ветры в ушах поют...

...Ай-Арх смотрела лошади вслед[44].
Оглянулась — вокруг никого нет.
Хотела бы руки поднять она,
Хотела бы лебедем стать она,
Подняться хотела бы до облаков,
Птицей летела бы в край отцов.
Только не может она летать,
Крыльев могучих ей негде взять.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Скачет без отдыха Хара-Хулат,
Серые горы летят назад,
Горные ветры в ушах поют,
Копыта топота не издают.
Проносится бледною тучею конь,
Как тень, бесшумен измученный конь.

Всю землю в три круга стремглав обежал —
Сердечного друга по свету искал.
Да только на горе набрел в пути —
Защитника бедных нигде не найти.
— Сын Хулатая! — Ханы кричат, —
Гоните скорее клячу назад!
Руками машут, брызжут слюной:
— Это же сын смерти самой!
Слышатся крики, плетки свистят.
Скачет измученный Хара-Хулат.

Ночью конь едва взбежал
На крутой каменистый перевал.
Внизу улус[45] Хан-Мергена лежал.
Помчался бледною тучею конь.
Как тень бесшумен измученный конь.
У коновязи призывно заржал,
Из юрты хозяина вызывал.

Алтын-Поос не могла уснуть,
Бессонница тяжко давила ей грудь,
И вдруг со двора доносится к ней
Ржанье и топот чьих-то коней.
— Проснись, Хан-Мерген! — говорит она, —

Ленивый мой муж, очнись от сна!
Ты слышишь — уздечка во тьме звенит,
Ты видишь — лошадь чужая стоит!

Хан-Мерген проворно с постели вскочил,
Ночную тьму огнем осветил.
И вдруг попятился в страхе назад —
Конь Хулатая Хара-Хулат
Стоит перед ним шагах в шести,
Черную гриву к земле опустив.
А на широкой спине у коня
Сидит младенец светлее дня.
Ногти — монеты из серебра,
Волосы — пламя большого костра.

Хан-Мерген осилил нахлынувший страх,
Рванул младенца с коня впопыхах.
Начал бить, колотить и топтать,
Сыном дьявольским называть.

Но тут красавица Алтын-Поос
Поднялась перед мужем во весь рост,
Вцепилась в голову как могла,
Всей грудью на шею ему налегла.
— «Если б с тобою судьба не свела,
Такого младенца и я б родила!»

Алып-Хан-Хыс из юрты спешит,
В темень ночную зорко глядит.
— Да что тут случилось? Скажите скорей!
Алтын-Поос отвечала ей:
— Видишь, мой муж, проклятый чорт,
Красавца-мальчика топчет и бьет.
Да если б судьба меня с ним не свела,
Я бы младенца сама родила!

Хан-Хыс увидела: возле коня
Лежит младенец светлее дня —
Ногти — монеты из серебра,
Волосы — пламя большого костра.
Доброта ей с рожденья была дана.
Младенца с земли она подняла,
Посадила красавца за стол золотой,
Накормила сладкой и сытой едой,
А утром, лишь зори на небе зажглись,
Ночное волненье в душе улеглось,
Играть отпустила младенца Хан-Хыс
С маленьким сыном Алтын-Поос.

———

Весело дети играют вдвоем.
Вволю едят за одним столом.
Наевшись, играют, смеются опять.
Алып-Хан-Хыс, как родная мать,
Рядом с собою кладет их спать.

...Спокоен младенческий крепкий сон,
Не будит его ни крик и ни стон.
Белея, рассвет над горою встает,
Омывает лучами весь небосвод.
Хан-Хыс с рассветом уже не спит —
Снова яствами стол накрыт,
Двух мальчиков садит рядом с собой
И кормит заботливою рукой.

Однажды послышался гул вдали,
Вздрогнули тяжко пласты земли.
Словно огромный вал водяной,
С гулом, стремглав, пробежал под землей.

Еще одну ночь без хлопот провели,
На утро послышался гул вдали.
Снова качнулись пласты земли.
Словно огромный вал водяной,
Снова, стремглав, пробежал под землей.

Алып-Хан-Хыс схватилась за грудь.
Сердце забилось, не может вздохнуть.
Чует — недобрый приходит час.
— «Видно, беда настигает нас!»

Третью ночь провела в тоске,
Утром увидела вдалеке:
Кто-то, нежданный, крутой перевал
С силой невиданной зашатал.
Кто-то, неведомый, горы гнет,
Кто-то, неузнанный, рвет небосвод,
Так, что сияет над головой
Синее небо огромной дырой.

Богатырский голос сверху гремит,
От голоса колется крепкий гранит:
«Недаром мы сотни дорог прошли!
Хара-Хулата все же нашли!
Мы разыскали в чужих краях
Сына приемного Юзут-Арх!»
От голоса этого скалы дрожат,
Из трещин сыплется каменный град,
Ломаясь, гулко деревья трещат.

Стоит, внушающая дикий страх,
На черной кобыле о трех ногах.
Лицом страшилище земли черней,
Сажени нехватит между ушей.
Пестро-змеиные косы у ней,.
Глаза лягушачьи раскосы у ней.
А рядом сидит Хулатай без седла.
По ребра кобыла в землю ушла.

Алып-Хан-Хыс одела детей
В одежду добротную богатырей —
Сыну Хулатая — простой наряд,
Сыну Хан-Мергена — боевой наряд —
Пояс и пёрик, как солнце, горят.

— Дети мои, — говорит она им, —
Идите сражаться с чудовищем злым.
Ты, сын Хан-Мергена, с Хулатаем схватись.
И помни: в той битве решается жизнь.

А ты, Хулатая несчастный сын,
Подойди к Юзут-Арх смиренно один,
Скажи ей: — Рожден я с чистой душой —
Ни в чем не виновен перед тобой.
Хара-Хулат меня ночью увез.
Я в юрте Хан-Хыс без тебя рос.
И тут же к груди прильни поскорей,
Как будто хочешь понежиться с ней.
Быстро раздвинешь панцырь стальной,
За голое тело схватишь рукой,
Тогда Юзут-Арх сможешь свалить,
Сможешь страшилище жизни лишить...

Побежали два мальчика к черной горе.
Резво бегут, как в веселой игре.
Сын Хулатая, добежав, сказал:
— Юзут-Арх, о тебе я долго скучал!
Ни в чем пред тобою не виноват —
Увез меня ночью Хара-Хулат...

Юзут-Арх обомлела от этих слов,
Рукой растегнула черный покров.
Откинула змеиные косы она,
Глазами раскосыми смотрит она.

— Ну, раз ты не сам от меня убежал,
Раз ты в неволе о нас скучал,
Радуйся, милый сынок мой,
Теперь ты снова уйдешь со мной,

У моря спокойного будем жить,
Тебя я лягушками буду кормить,
Ящериц буду тебе ловить,
Болотной водой щедро поить!
Иди, мой сыночек, во всем повинись,
Материнскою грудью скорей покормись!

И только раздвинула руки она,
И только откинула панцырь она,
За голое тело ее он схватил,
Не жалея своих богатырских сил.

Страшная битва тут началась.[46]
От мощных ударов земля затряслась.
Богатыри друг друга сбивают с ног.
Чтоб враг покрепче схватиться не мог,
Вертятся, пыль и хрустящий песок
Облаком выбрасывая из-под ног.
Подолы одежд, развеваясь, шумят,
Из-под них туманы вихрем летят.
Каменных круч темная высь
Из-под ног силачей сползает вниз.

Реки, моря, земли Хан-Мергена
Расплескались, сверкая кипящею пеной.
Юзут-Арх, задыхаясь, шипит, как змея:
— Хулатай, настала погибель моя!
Скорей помоги, меня он убьет,
Бороться мочи уже не стает!

Хулатай, отуманенный силой злой,
Схватил поспешившего в первый бой
Неокрепшего сына Алтын-Поос
И на могучих руках пронес.
Бросил с горы на груды камней.
В улусе слышали хруст костей,
Ребер поломанных страшный хруст,
Как будто ломали засохший куст.

Только он сына схватить успел —
Голос кукушки[47] где-то запел,
Весело светит крутой небосвод.
Вещая птица кого-то зовет,
Вечным покоем уснуть не дает.
Кукушка сидит на вершине хребта,
Сверху небесная высота,
Справа сухая тайга лежит,
Слева — долина мертвая спит.

Повернется кукушка направо — и вот
Зеленым цветом тайга зацветет.
Повернется налево — в степи сухой
Слышится голос воды живой.
Речной повсюду слышится плеск.
Вновь зацветает засохший лес.
Умерший снова живым встает,
Радостным словом друзей зовет.
Глупый умнеет, а хмурый и злой
Сразу светлеют лицом и душой.

Хулатаю песню запела она —
В глазах рассеялась пелена,
В голове затих несмолкающий шум,
В душе — спокойствие чувств и дум,
И в то же мгновенье открылся весь мир —
И разум и зренье обрел богатырь.

Он видит: ребенка собрался убить,
Сыночка родного жизни лишить.
Он видит: стоит Юзут-Арх перед ним
— «Убей побыстрее и мы убежим,
Убей!» — завывает земли черней,
Сажени нехватит между ушей,
Пестро-змеиные косы у ней.
Глаза лягушачьи раскосы у ней.

Содрогнулся, увидев ее, Хулатай!
Всю мерзость ее ощутил Хулатай.
Только хотел он руками схватить,
Чтоб тут же поганую раздавить,
Как облаком сажи стала она
И улетела черным-черна.

Кобыла ее на трех ногах
Рассыпалась тут же в туманный прах...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Принесла певунья много чудес,
А сама улетела за дальний лес.
Глупый умнеет, а хмурый и злой
Вновь просветлели лицом и душой.
Умерший снова живым встает,
Радостным словом друзей зовет.

Хулатай сыночка к груди прижал,
Сын Хан-Мергена на ноги встал.
В веселье с тасхыла спустились вниз.
Встретила их Алып-Хан-Хыс.
Чибек-Арх сказала: — Мой муж Хулатай,
Драгоценное время зря не теряй,
На битву с ханом народ поднимай!

Хулатай отвечал: — Зачем нам спешить!
Хочу я в веселье денек пожить.
Хочу, чтоб лилась арага рекой.
Собирайся, народ, на великий той!

Хан-Мерген привел его в юрту Хан-Хыс,
Подвел к столу и сказал: — Садись!
Баранину ешь, арагой запивай.
Юзут-Арх не страшна тебе, Хулатай!

Вторая неделя пира идет,
А Хулатай ненасытный все пьет.
Хан-Мерген не дождется, когда он уйдет.
Думает: «Я обманул Хулатая.
Об этом он знает или не знает?
Не хочет ли он в отмщение мне

Жениться на милой моей жене?
Постой же, сейчас мы тебя обхитрим!
Ты будешь отныне зятем моим!»

И так ему ласково говорит:
— Мы пили и ели с тобой, Хулатай!
Мы песни все спели с тобой, Хулатай!
Теперь ты задорно шутить начинай,
А я подхвачу твой веселый смех,
Да так, чтоб весело было для всех.

Мы шутку сыграем с тобой, Хулатай,
Начни ты ругаться, кричи, нападай,
Алып-Хан-Хыс, мол, мне в жены отдай!
Сестра рассерчает, кричать начнет,
Вот тут уж над ней посмеется народ!

Совсем опьяненный стоит Хулатай.
— Ну, что же, дружок,—говорит, — давай!
Хан-Мерген торопит его: — Начинай!
Да только виду не подавай!

Хулатай был доверчив и прост душой.
Хан-Мерген был с рожденья хитрец большой.
Когда Хулатай начал кричать,
Требуя в жены Хан-Хыс отдать,
Хан-Мерген арагой его напоил
И поскорей на кровать уложил.

Потом он глаза намочил слюной
И начал плакаться перед сестрой:
— Проснется, убьет меня, Хулатай,
Хан-Хыс дорогая, меня выручай!
— Нет,—отвечает ему Хан-Хыс,—
Да ты опомнись, мой брат, очнись!
Пока голова у меня на плечах,
Пока чернота не поблекла в глазах,
Я одолею любую беду,
Но за него никогда не пойду!

Тогда Хан-Мерген поднес ей вина,
Всю чашу заставил выпить до дна
И на кровать к Хулатаю отнес.
— Навеки моя ты, Алтын-Поос!
Теперь Хулатай для меня ты зять,
Жену мою в жены не сможешь взять!

А утром он в юрту первым пришел,
Важно уселся за каменный стол:
— Ну, как ты спал, мой зятек Хулатай!
— Невеста Хан-Хыс, поскорей вставай!

От стыда Хан-Хыс заалела зарей.
От стыда Хулатай поник головой.
На разных концах кровати сидят,
Друг другу в глаза от стыда не глядят.

Все утро в тоске они провели.
Хан-Мерген собрал всех людей земли
На пир, на гулянье, за праздничный стол,
Чтоб каждый на свадьбе веселье нашел,
Чтоб каждый отсюда счастливым ушел.
Все гости весело пьют и галдят.
И только лишь двое не пьют, не едят,
Друг другу в глаза от стыда не глядят.

Прошло после свадьбы несколько дней.
Два богатыря возле дверей
Встали, вниманья к себе ожидая, —
Сын Хан-Мергена и сын Хулатая.

Напрасно Хан-Хыс их просила присесть.
— Некогда нам, не затем мы здесь! —
Пришли мы, просить у родни своей
Для боя способных резвых коней[48].
Дайте одежду, чтоб плечи закрыть,
Чтоб нечем было судьбу нам корить.
Собаки могут без имени жить,
А мы к вам пришли имена просить.
Чтоб знали люди, как нас называть,
Просим у вас нам прозвища дать.

Когда все люди вокруг собрались,
Черную книгу[49] раскрыла Хан-Хыс,
Желая судьбу сыновей узнать,
Каждую строчку спеша прочитать.

Оскорбились молчанием богатыри,
Взглянули с отчаянием богатыри:
— Ладно! Коль жалко вам двух коней,
Мы их попросим у добрых людей!

Если одежду жалеете дать,
Пойдем на чужбине ее искать.
Обзаведемся седлом и конем,
Счастье свое на земле найдем!

От слов этих вспыхнула Алып-Хан-Хыс:
— Рано вы нас укорять собрались!
Черная книга дала мне совет:
Ни коней, ни одежды у вас нет.
К восходу солнца идите тропой,
Увидите моря берег крутой.
И тот, кто в синее море нырнет,
И тот, кто по дну без боязни пройдет,
Карюю лошадь себе возьмет.
Будет могучим он, словно гора,
С именем славным Тюн-Хара.

Богатыри сказали, на колени став,
Почтительно руки к груди прижав:
— Благодарим за добрый совет.
Ни коней, ни одежды у нас нет.
К восходу солнца пойдем тропой,
Чтоб увидеть моря берег крутой.

Из-за стола встал Хулатай:
— Я тоже еду в солнечный край,
Война там бушует уж много дней.
Я должен тестю помочь скорей.
Я честно в бою ему послужу,
А вас я, сыны мои, провожу!

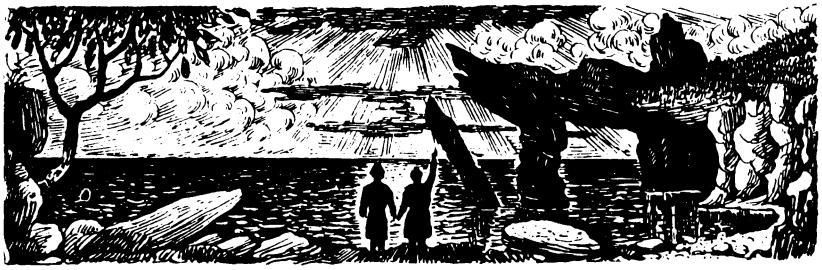
...Полнеба раскрасил утренний свет.
Богатыри неспеша поднялись на хребет.
Простились, руки друг другу пожав,
Счастья друг другу в пути пожелав.

С места рванул Хара-Хулат —
Горы и реки летят назад.
Скачет без устали конь боевой,
Летит быстрокрылой птицей степной,
Мчится вперед закусив удила,
Летит как пущенная стрела, —
Передние ноги в одном краю,
Задние ноги в другом краю.

У коня такая лихая прыть,
Что трудно скачки его уследить,
Закрытых глаз не успеешь открыть,
Открытых глаз не успеешь закрыть.

Стояли в молчании богатыри,
Глядя на алые крылья зари,
Удивляясь — отчего так земля дрожит,
Слушая топот конских копыт.

Потом, когда скрылся туман вдали,
К восходу солнца пешком пошли...



ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Зори на небе огни свои жгут.
Под солнцем пешие молча идут.
При звездном сияньи ночью идут.
Тропинками волчьими тихо бредут.
Идут через синий степной простор.
Ползут по отрогам невиданных гор.

В широкой долине у скал крутых
Прохладою море пахнуло на них.
Как небо широкое, море шумит.
Волна за волной омывает гранит.
Не видно с берега берег другой —
С небесною море слилось синевой.

Сын Хулатая другу сказал:
— Я моря такого нигде не видал!
Как долго я этой минуты ждал,
Чтоб грудью разбить непокорный вал!
Ты — сын Хан-Мергена и знатен твой род,
Тебе покорять глубину этих вод.
В блестящее море нырнешь с головой,
Бесстрашно один пройдешь под волной
И карий конек навек будет твой.

Но тот с опаскою в море глядит:
Волна за волной омывает гранит,
С небесною море слилось синевой,
Не видно с берега берег другой.
— Нет,—говорит, — мой брат дорогой,

Не хочу погибать я в волне морской.
Чем где-то в пучине косточкам гнить,
Лучше уж пешим я буду жить!

Лицом потемнел Хулатая сын:
— Ну что же, я в море пойду один!
Сын ханского рода — ты жалкий трус.
А я своей гибели не устрашусь.
Несчастным рожден я на белый свет,
У меня и прозвища даже нет.

...Сын Хулатая к воде спешит.
Волна за волной омывает гранит,
С небесною море слилось синевой —
Не видно с берега берег другой.
Как гриву, он тронул волну рукой
И, прыгнув, в море ушел с головой.

Как щука, в морской он пучине плывет,
Могучей рукой осторожно гребет,
Муть отгоняет другою рукой,
Воду толкает упругой ногой.
И видит: на дне средь ракушек морских,
В бурлящем потоке струй голубых,
Хищная рыба хвостом шевелит,
Огромною глыбой Кир-Палых[50] лежит.

Сын Хулатая, ничего не боясь,
В рыбешку белую обратясь,
То к пасти приблизится, то отплывет,
А хищная рыба никак не поймет,
Кто это с нею игру ведет.

Потом раскрыла страшную пасть,
И тут бы рыбешке совсем пропасть,
Но сын Хулатая ловок и смел —
Стрелою в утробу он рыбе влетел.
Острым кинжалом начал колоть
Морского чудовища жирную плоть.

По воде Кир-Палых хвостом бьет:
— Кто там забрался ко мне в живот?
Откликнись, проклятый коварный бес,
Зачем ты без спросу в нутро залез?

— Не кричи, злая рыба, — ответил он ей, —
На свете я знаю немало людей,
Но только без имени я один,
Живу безлошадным несчастья сын!

———

Кир-Палых кричит:—Поглупел ты совсем!
— Живот мой мягкий ты колешь зачем?
Выйди наружу, не то рассержусь,
С места горою чёрной сорвусь
И по огромным волнам побегу —
Все люди погибнут на берегу.

— Сын Хулатая с рожденья не трус.
Тебя, нечисть злая, я не боюсь!
Можешь всю землю разбить волной,
Можешь грозить своей силой морской.
Нечего мне на земле терять,
Некому обо мне слезы ронять!

Кир-Палых подумала и говорит:
— Знала: когда-нибудь в мой живот
Непрошенным сын Хулатая вползет.
Так, значит, ты сын Хулатая и есть?!
Никак не пойму я—зачем ты здесь.
Родину разве не любишь свою
Раз поселился в морском краю?

— Пойми, злая рыба, мой ясный ответ:
Для бедного счастья нигде нет!
Голые плечи мне нечем прикрыть,
Мне нечем жажду свою утолить.
Не только степного друга-коня,
Даже имени нет у меня!

Из конца в конец я всю землю прошел,
А счастья бедняцкого не нашел.
Теперь я приплыл на морское дно —
Может, окажется добрым оно.
Может быть силой, смекалкой своей
Счастье добуду для бедных людей.

— Выйди, — Кир-Палых ему говорит, —
И я покажу, где счастье лежит.
— Глупая рыба! — Кричит он в ответ, —
Зачем ты мутить задумала свет!
Зря ты хочешь меня обмануть.
К счастью сперва укажи мне путь,
Потом уж наружу я выйти решу,
А пока всю утробу твою искрошу!

Кир-Палых корчится: — Что ты, постой!
Как-нибудь мы поладим с тобой.

Все по порядку тебе расскажу,
К счастью тропинку тебе укажу.

...Пойдешь ты по дну против струй голубых.
Ползком доберись до глубин морских.
Увидишь: скала там большая стоит,
Поток водяной несмолкая гремит.
Огромную дверь ты откроешь с трудом,
Бурлящий поток оттолкнешь плечом.
И сразу в скалу, словно в юрту, войдешь
И карюю лошадь в скале найдешь.

На эту лошадь ты не садись,
За узду руками ты не берись,
Золотую сбрую не тронь на полу.
Ищи другую себе скалу.

В другой скале дверь увидишь ты,
Чудесной, совсем не земной красоты.
Оттолкнешь плечом бурлящий поток,
Откроешь дверь и шагнешь на порог.
Шарик и посох лежат на столе,
Каких никогда не видал на земле.
Один бочек, как луна, блестит,
Другой бочек, как солнце, горит.

Справа морские огни загорят,
Тогда ты оденешь богатый наряд.
С одеждою этой тебе не тужить —
Ни рваться не будет она и ни гнить.
Станешь ты сразу статен, высок,
В руки возьмешь дорогой посошок.
Шарик возьмешь, оседлаешь коня,
Выйдешь наружу ярче огня.

Но только, смотри, на коня не садись,
За стремя рукою, смотри, не берись.
Посох потрешь ты чудесным шаром—
Не вспыхнет зарница, не грянет гром,
А встанет Ах-пуур [51]—белый волк пред тобой,
Волк-богатырь с гривой густой.
Он вместо коня будет тебе,
Он верным помощником будет тебе.

Крепко запомни слово мое:
Албынжи — отныне имя твое.
Друг твой будет могуч, как гора.

Имя ему — богатырь Тюн-Хара.
Алып Ах-пуура не надо седлать.
Сядь на него, он будет стоять.
Тогда по затылку потри шаром —
Тронется волк по простору бегом.
Чем ты сильнее будешь тереть,
Тем он быстрее будет лететь.
С ним никакого не надо коня...
...Ну, а теперь вылезай из меня!

Внимательно слушал он рыбий наказ,
С черных клыков не спуская глаз.
— Ладно, — ответил, — настал мой черед.
Ну-ка, открой свой зубастый рот.
Да только, смотри, пошире открой,
А то застряну в глотке тугой
И сдохнешь ты, подлая, вместе со мной.

Хищная рыба открыла рот,
Сама наглеца напряженно ждет.
Думает: — Только ко рту подойдет,
Так на зубах моих сразу умрет.
Но Албынжи был хитер и смел.
Стрелою он мимо зубов пролетел,
Ногою даже клыков не задел.
Только услышал потом за спиной,
Как щелкнули зубы колдуньи морской.

Пошел он по дну мимо струй голубых,
Ползком добрался до глубин морских.
Увидел: скала там большая стоит,
Поток водяной несмолкая гремит.
Огромную дверь отыскал с трудом,
Бурлящий поток оттолкнул плечом,
Слепящим скала осветилась огнем.

Внутрь он вошел, осмотрелся вокруг.
Стоит у столба конь — желанный друг.
Оружье и сбруя лежат на полу.
Но где же другую найти скалу?
Вторую дверь он долго искал,
Обшарил все выступы скользких скал.
Но все же нашел и стал открывать.
Скала огнем осветилась опять.

———

Внутри открытой скалы второй
Солнечный луч бьет широкой струей.
Албынжи без боязни в скалу вошел,
На трех ножках увидел стол,
Сияющий снизу горящим огнем.
Круглый шарик блестит на нем,
А рядом посох лежит костяной,
Волшебный посох с ручкой резной.

Албынжи одевает богатый наряд —
Светится пуговиц длинный ряд.
Пояс шесть раз вкруг себя обмотал,
Пёрик для боя себе подобрал.
Стал он сразу статен, высок,
В руки взял дорогой посошок,
Шарик взял, оседлал коня.
И вышел наружу, шлемом звеня.

Посох потер он чудесным шаром, —
Не дрогнуло море, не грянул гром,
А встал перед ним богатырский волк
С белою гривой мягкой, как шелк.

Албынжи на волка вскочил верхом,
Потер ему гриву чудесным шаром
И вылетел вместе с крутою волной
Со дна на поверхность пучины морской,
Держа в поводу коня за собой.
К берегу волк по воде бежит,
Словно земля, под ним море лежит.

...На прибрежном песке Хан-Мергена сын
В страхе, в тоске сидит один.
Думает: — Где ты, мой храбрый друг?
Слышит: заухало море вдруг.
Видит: вздыбились волны вокруг.

С волчьей спины Албынжи соскочил,
Карюю лошадь другу вручил,
Одежду ему дорогую дал,
Богатырским поясом стан обмотал.
— Садись поскорей на коня, Тюн-Хара,
Теперь нам в дорогу спешить пора!
К Алтын-Хану поедем сейчас,
Хотя и не ждет он, наверное, нас.
Лучшие кони туда сведены,

Богатыри там сильны и стройны.
Для честной битвы они собрались,
Как речки в море, они слились.

И мы побываем в том славном краю,
Покажем силу и удаль свою.
В состязаньях осилим богатырей,
Чтоб дочь Алтын-Хана стала твоей[52].

...Как небо широкое, море шумит.
Волна за волной омывает гранит.
Вдали занимается свет зари.
В пыли удаляются богатыри.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

То поднимаясь до облаков,
То опускаясь до желтых холмов,
Волк и скакун мчат седоков.

— Стой, белый волк! — Албынжи говорит, —
Видишь, дорога вдали пылит.
Придется тебя превратить в посошок,
Чтоб глаз посторонний увидеть не мог.
По шерсти провел он чудесным шаром
И снова волк стал простым посошком.

Два всадника скачут навстречу им —
Бело-буланый скакун под одним,
Светло-серый скакун под другим.
Слово привета сказали враз,
С богатырей не спуская глаз.

— Далеко ли, близко ли путь ваш лежит? —
Весело им Албынжи говорит, —
На какой земле вы стада пасете?[53]
Из какой реки свою воду пьете?

— Я —Ай-Мерген[54], — ответил один, —
Ай-Арх и Ах-Хана любимый сын.
А это мой друг — богатырь Ах-Молат[55],
Землей он владеет и славой богат.
К Алтын-Хану на свадьбу мы едем с ним,
На состязанье попасть спешим.
А вы, что за люди, каких краев?
Поили коней из каких ручьев?

И так отвечал Албынжи-молодец:
— Вот друг мой! Его Хан-Мерген отец.
А мать прозывают Алтын-Поос.
Он с детства у хана в юрте рос.
Здоровьем он нынче могуч, как гора.
И имя ему богатырь Тюн-Хара.
А я — Албынжи — бедным рожден,
Ханскою славою не наделен.
Отец Хулатай, Чибек-Арх моя мать
Пустили по свету несчастным плутать.
На Хара-Хулате отец Хулатай
На битву поехал в далекий край.
А я, безлошадный, иду пешком,
Пылю по дороге своим посошком.

Сказал Ай-Мерген: — Плохо пешему жить,
Не сладко по свету бродягой ходить.
Наверное, ноги твои гудят,
Наверно, мозоли твои болят.
Хочу я с тобой поделиться конем —
Садись на буланку, поедем вдвоем.

Албынжи восхитился его добротой.
Видно, родился он с чистой душой,
Видно, что с горем давно знаком,
Видно, на свете живет бедняком.

— Спасибо! — Тогда Албынжи сказал, —
Я птицей крылатой бы в небе летал,
Да крылев тугих за спиною нет.
Кладу я, несчастный, тропою след.
Моя судьба сзади вас идет.
Прошу вас, друзья, поезжайте вперед.

— Эк-кей, Албынжи! Мне жалко тебя.
Тебе я открыться хочу, любя, —
Сказал Ай-Мерген, — напрасен твой путь.
Отца Хулатая тебе не вернуть.
Я слышал недавно от добрых людей,
Он снова попал в лапы чертей.
Опять помутился отец твой умом,
Опять распростился с могучим мечом.
Юзут-Арх не отпустит его назад.
Закован в цепи Хара-Хулат.

В глазах Албынжи помутился свет:
— Видно, и правда счастья мне нет!

На грудь он голову тихо склонил,
Руки поднять нехватает сил.

Богатыри распрощались с ним,
Помчались они, как по ветру дым,
Скрылись за дальним крутым бугром.
Снова он посох потер шаром.
Вскочил на волка и сказал: — Пора!
Не отставай, мой друг Тюн-Хара!

...Полог тумана в небе висит.
Земля Алтын-Хана внизу лежит.
Видят: в улусе столько людей,
В юрту одну не вместить богатырей,
У столба одного не привязать коней.

Албынжи говорит: — Ну-ка, друг, не плошай,
Смекалку и хитрость свою вынимай!
Сказал Тюн-Хара удивленно в ответ:
— В карманах моих ничего нет!
Тогда с усмешкой сказал Албынжи:
— А ты их народу умом покажи!
Человек, рожденный богатырем,
Должен всегда обладать умом.
Должен смекалку с собою носить,
Хитрость за пазухой молча хранить.

Друга схватил он и с силой тряхнул,
Так что подземный послышался гул.
Зеркальце прямо к лицу поднес:
—Ну-ка,—сказал,—взгляни на свой нос.
Тот посмотрел и чуть не упал—
До того он грязным и страшным стал,
В овчину одет, одноглазым стал.

— Ладно, мой друг, смотри не тужи, —
Сказал и встряхнулся сам Албынжи.
Стал он противным плешивым слепцом,
С длинным носом, с кривым лицом.
А карий конь жеребенком стал,
Совсем худым и паршивым стал.

Бредут друг за другом в улус слепцы,
За собой жеребенка ведут под уздцы.
Кто взглянет на них — от страха дрожит.
Уж очень противен у странников вид.

———

У юрты, где тесно столпился народ,
Слепой на кривого злобно орет,
По желтой плешине посохом бьет.
— Ах, ты, проклятый, надул ты меня —
Не мог к коновязи поставить коня!
Меня, слепого, смотри, не бросай.
Как в юрту войдем, хану руку подай.
А то, безумный, войдешь молчком,
Всю пищу сожрешь без меня за столом!

Алтын-Хан посмеялся над их худобой.
Велел посадить их рядом с собой,
Спросил, в какой стороне скот пасут,
Из какой реки воду пьют.

— Да что ты! — Воскликнул седой слепец, —
Хозяин наш славный, родной отец,
У таких, как мы, разве есть стада?!
Мы бродим по свету туда и сюда.
От хана к хану, от тоя на той
Идем мы, не видя зари золотой.
Зачем это люди у вас собрались,
Как реки в море, сюда слились?

— Есть у меня,—сказал Алтын-Хан,—
Драгоценный пояс, украсивший стан —
Алтын-Арх — моя славная дочь.
Над нею сейчас опустилась ночь.
Вот там, куда смотрит твой длинный нос,
Сидит богатырь — Хара-Моос[56].

Видно, коварному наглецу
Дочка моя пришлась к лицу.
Всех переспорил, всех перебил,
Дочку в невесты себе попросил.
Да видно мне прыти его не унять,
Придется мне дочку злодею отдать!

Слепец сокрушенно качнул головой,
Потом удивленно махнул рукой.
— Э-ге!—говорит, — слышу женский дух,
Меня никогда не подводит мой нюх.
Скажите мне правду — тут женщина есть?
Ответили люди: — Чил-Хара[57] здесь,
Хара-Моосу родная сестра,
Она на язык, как иголка, остра!

— Невеста Чил-Хара!—Воскликнул слепец,—
Ну, вот мы с тобою сошлись, наконец!
Здравствуй, здравствуй, голубка моя,
К тебе издалека вернулся я.

Весело в юрте хохочет народ:
Чил-Хара старцу руки не дает,
Ногами пинает, в лицо плюет,
А тот к ней с ласками пристает.

Насупил брови Хара-Моос,
Совсем почернел его длинный нос:
«Да долго ли будем напрасно мы ждать?!
Пора состязание начинать!»

Тогда поднялся невестин отец:
— «Мой голос, лети из конца в конец!
Богатырские схватки велю начинать,
Но кони лихие не будут скакать.
Я дешево дочку свою не отдам.
Я новый мёрий придумал вам![58]

Пусть же найдется такой стрелок,
Кто с неба сшибет белый платок!
Борец пусть найдется из вас такой,
Кто всех уложит одной рукой!
Тому в награду я дочь отдаю,
Любовь и отраду свою отдаю.

Люди идут, а старец слепой
По воздуху шарит дрожащей рукой.
— Где ты,—кричит, — одноглазый злодей,—
Веди меня за народом скорей.
А то не оставлю тебе ушей!

Пришли к месту схваток. И тут опять
Слепой Чил-Харе принялся кричать:
—Хочу я, Чил-Хара, бороться с тобой!
Дайте нам, люди, мёрий другой!
Невеста моя, без тебя мне не жить,
Я гору готов для тебя своротить!
Смеется народ: — А ну-ка, возьмись,
Да только, несчастный, не надорвись!

Чил-Хара, губы от злости скривив,
Камень курганный руками схватив,
Высоко подняла его над собой

И снова воткнула другой стороной.
— Ай-да, Чил-Хара! — Кричит народ, —
А ну-ка, попробуй и ты, урод!

Слепец нащупал камень рукой
И вдруг под хохот, крики и вой
Поднял его ловко, быстро, легко
И кинул с горы далеко-далеко.
Народ удивленный притих вокруг.
В глазах у Чил-Хары мелькнул испуг.
Слепец закричал: — Победитель я!
Теперь ты, Чил-Хара, навек моя!

Меж тем уже стрелы свистят над горой,
В небо летят одна за другой.
Под Медведицей звездной висит платок—
Еще не пробит ни один уголок.
Хара-Моос стрелу пустил —
Только один уголочек пробил.
Чил-Хара своею меткой стрелой
Проткнула платка уголок другой.

Тогда закричал странник слепой:
— А ну, одноглазый приятель мой,
Достань свое счастье звонкой стрелой!
Тот метко в небо стрелу пустил,—
Третий угол платка пробил.

Воскликнул слепец: — Несчастья сыны!
Зачем вам зрячим глаза даны!
А ну-ка, дайте слепому лук,
Стрелу я пущу из своих рук.
А ты, одноглазый мой верный дружок,
Точнее стрелу наведи на платок.

Он левой рукой натянул тетиву —
Стрела полетела, свистя в синеву.
Народ зашумел, словно горный поток —
Разорван был надвое белый платок.
Слепец закричал: — Победитель я!
Теперь ты, Чил-Хара, навек моя!

Чил-Хара, не выдержав шутки такой,
Наотмашь ударила старца рукой.
Упав, он воскликнул: — Кто меня бьет?
— Невеста твоя! — Смеется народ.
И только хотел он на ноги встать—
Чил-Хара его оглушила опять.

———

— Невеста моя, за что меня бьешь?
Разве жених для тебя не хорош?
Воскликнув, он быстро на ноги вскочил,
Чил-Хару крепко руками схватил.
Скатился с горы народ волной,
Почуяв, что начался страшный бой...
Одноглазый Хара-Мооса бьет,
Слепой Чил-Харе житья не дает.

...Шестой уж день дерутся они —
Над горой от мечей сверкают огни.
С Хара-Мооса слетела спесь,
Алой кровью обрызган он весь.
Кричит: — Чил-Хара, сил не стает,
Мой враг одноглазый меня убьет!
Выйди замуж, спаси меня,
Не то я умру на закате дня.

Чил-Хара в злобе шипела: — Нет!
Пускай затуманится белый свет,
Пока голова у меня на плечах,
Пока чернота не поблекла в очах,
Приму я охотно любую беду,
Но за слепца ни за что не пойду!

Хара-Моос в муках кричит,
От боли зубами страшно скрипит:
— Сестричка, одна ты меня спасешь!
Зачем ты согласья ему не даешь.

И снова Чил-Хара хрипела в ответ,
От злобы синея: — Нет, нет!
Я ханская дочь, а он нищим рожден.
Никогда моим мужем не станет он!

Под седоком не гнется седла лука,
А ханская честь, как лоза, гибка.
Закричала тут ханская дочь,
Что ей больше терпеть невмочь.
Что согласна женою стать,
Своим мужем слепца назвать.

А слепец говорит: — Постой!
Разговор я не кончил с тобой!
Взять-то тебя я, конечно, бы взял,
Да слух нехороший ко мне прискакал.
Узнал я недавно от добрых людей,
Что вскормлен ребенок грудью твоей!

— Да что ты! — девица кричит в ответ, —
Почему услыхал ты то, чего нет!

Слепец говорит ей: — Была молодой—
Мало ли что могло быть с тобой.
А если что было, честно открой!

— Да нет, — отвечает, — зачем мне врать!—
Плохого нечего мне сказать...

В муках корчился Хара-Моос.
— Поскорей отвечай на вопрос.
Ничего от него не скрывай,
Из рук смерти меня спасай!

— Ой, жених мой, — сказала сестра,
Зазалев, как огонь костра, —
Я сознаюсь перед тобой:
Я была совсем молодой,
Чирис-Мёке[59] меня ослепил,
Красотою меня покорил.
Совсем дурочкой я была
И сыночка тогда родила!

—Ах, ты, гадина!—Крикнул слепец,—
Видно глуп твой знатный отец,
Если будем с тобою жить,
Чирис-Мёке ты будешь водить.
—Я несчастный, я—старец слепой,
Разве мне углядеть за тобой?!
Вволю мы посмешили народ.
А теперь пусть твой брат умрет!

...Так и скончался Хара-Моос.
Он много зла народу принес
И камнем в землю навечно врос.

А слепец говорит невесте своей:
—И ты черную кровь пролей!
И тебя я решил жизни лишить,
Чтоб за нос людей не могла ты водить!
Ты лучше других себя считала,
Себе ты мужа в народе искала,
Ну, что же, доля твоя не плоха —
На том свете найдешь жениха!

Как ветка, Чил-Хара душой надломилась,
Упав на колени, она взмолилась:
«Сохрани мне жизнь, мой слепец дорогой,
Тебе пригодится сынок мой!
На пегом коне мой Пилен-Тара
Телом крепок, как эта гора.
Когда-нибудь он пригодится тебе,
При ветре он корнем будет тебе,
Надежной подпорой будет тебе,
Выручит в горе, в лихой беде...»

— Мне не нужен в помощники кровосос[60]
Гордо Чил-Харе слепец произнес
И меч над нею поспешно занес.
На труп брата упала сестра —
Коварная девушка Чил-Хара.

...Алтын-Арх плачет навзрыд:
— «Бедное сердце мое болит.
Видно, мой смертный час настал.
От одного отвязалась, другой пристал.
Как мне исполнить наказ отца:
Одноглазого выбрать или слепца?
Как мне душой не скривить перед ним?
Как я буду жить со слепым?
Как по свету его поведу?
За одноглазого лучше пойду!»

В это время слепой стал опять молодцом,
Стройным и статным, с красивым лицом.
А одноглазый трясет головой,
Чтоб сбросить с себя весь наряд срамной.

Албынжи говорит:—Ну-ка, друг, не плошай!
Смекалку и хитрость свою вынимай.
Одноглазый прошамкал ему в ответ:
— В карманах моих ничего нет!

И опять с улыбкой сказал Албынжи:
— Ты славу свою умом докажи!
Человек, рожденный богатырем,
Должен карманы набить умом,
Должен смекалку с собою носить,
Хитрость за пазухой молча хранить.

Друга схватил он и с силой тряхнул,
Так что подземный послышался гул.

Стал Тюн-Хара не корявым слепцом,
А стройным и гибким, как прут, молодцом.

Дочь Алтын-Хана, узнав о том,
Долго себя упрекала потом:
— «Слепой оказался еще милей!
Таких я нигде не видала бровей.
Ногти—монеты из серебра,
Волосы—пламя большого костра.
Знала бы раньше, что он такой—
Мужем моим стал бы слепой!»

Той продолжался несколько дней.
Славили люди богатырей.
Албынжи тихонько другу сказал:
— У Килин-Алыпа[61] есть дочь, я слыхал,
Килин-Арх ту красавицу звать,
Поеду себе ее в жены брать.
А ты со своей молодой женой
Сейчас возвращайся к себе домой.
Когда я вернусь, будет пир большой,
Две свадьбы мы сразу сыграем с тобой.

...Не долго друга ждал Тюн-Хара.
Настала скоро свадьбы пора.
Албынжи вернулся через несколько дней
С прекрасной женой Килин-Арх своей.

И тут был задан такой той —
Текла арага за столом рекой...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Не долго Хан-хыс с Хулатаем жила —
Одну только дочку ему родила.
Крепкой, смышленной росла Хан-Чачах[62],
Всегда у нее любопытство в глазах,
Весело песни умела петь,
Голосом, словно чатханом, звенеть.

Как-то сидела одна Кылин-Арх[63].
Вбежала веселая Хан-Чачах.
Искорки смеха блестят в глазах,
— Сколько веселья и смеха кругом!
Кылин-Арх, дорогая, пойдем!
Что ты сидишь здесь одна в заперти!
Разве на праздник нельзя пойти?

Посмотри, как подруги твои живут, —
Веселятся, играют, смеются, поют,
В улусе сейчас все огни зажглись.
Парни и девушки там собрались.
Давай и мы туда поспешим
Песнею сердце повеселим!

— Что ты задумала, Хан-Чачах?
Отвечала ей ласково Кылин-Арх, —
Смотри, уже ночь в степи лежит,
Звездное небо над юртой горит,
Поздно итти нам куда-то в улус,
Мужа гневить я напрасно боюсь.

А Хан-Чачах все твердит о своем:
—Ну, тогда мы с подружкой одни пойдем!
Ты здесь в потемках одна грусти,

А нас на гулянье в улус отпусти.
— Ну, ладно!—Невестка сказала ей, —
Только назад возвращайтесь быстрей.

Ушла хохотушка с подружкой своей.
Звездное небо стало темней.
Ползет по дороге стадо теней.
Невестка случайно на дверь посмотрев,
Остановилась вся заалев.
Стоит Хан-Чачах в углу в темноте —
Те же глаза и как будто не те,
Голос как будто тот и не тот.
Стоит и как будто кого-то ждет.

—Что это я испугалась тебя! —
Сказала невестка, платок теребя, —
Что же ты не пошла гулять?
Зачем ты в юрту вернулась опять?
И тут же рассеялся глупый страх.
Заговорила опять Хан-Чачах:

— Кылин-Арх, дорогая моя,
Да разве тебя оставлю я!
Раз ты не хочешь, и я не пойду.
Лучше я вечер с тобой проведу.
Давай посмотрим одним глазком
Посох волшебный с чудесным шаром!

— Что ты задумала, Хан-Чачах!
Разве увидишь ты шарик в потьмах.
Албынжи не велел посох в руки брать.
Зачем же мы будем запрет нарушать?
— Ах, дорогая невестка моя,
Трогать тебя не заставлю я.
Мы только посмотрим издалека
Наша вина уж не так велика.
Не бойся, о том, не узнать Албынжи.
Я сердцем прошу—поскорей покажи.

Так она долго просила ее,
То за трусость бранила ее,
То начинала слезно молить,
То принималась грозно корить.
И Кылин-Арх, наконец, сдалась,
Чтоб только проказница унялась.

За полог подружку, сердясь, провела,
С кровати подушку быстро сняла.
— Смотри,—сказала,—да только скорей!
И шарик зарницей сверкнул перед ней —
Один бочёк, как луна, блестит,
Другой бочёк, как солнце, горит,
А рядом посох волшебный лежит.

Вскрикнула радостно Хан-Чачах,
Вспыхнули искры в ее глазах.
Стоит очарованная колдовством,
Горит непонятным страстным огнем,
С шарика жадно не сводит взгляд,
Как у старухи, пальцы дрожат.

Потом прошептала:—Подушкой накрой
Белый посох и шар золотой.
Не будем волшебство мы в руки брать.
Лучше давай, дорогая, спать.
Холодно, холодно в сердце моем.
В одну постель мы ляжем вдвоем.

Килин-Арх, простая душой,
Разве ты знала, что ночью злой
Большая беда случится с тобой?!
Килин-Арх, разве знала ты,
Что этот покров густой темноты
Навсегда затуманит твои черты?!

...На одну кровать легли вдвоем.
Крепким невестка уснула сном.
Добрая сердцем, Килин-Арх,
Что ты видела в милых снах?!

Как тень, над ней поднялась Хан-Чачах.
Не искорки смеха блестят в глазах,
Не улыбка любви на губах лежит,
А злобою страшной лицо горит.
Стала она вдруг сама собой:
Хара-Нинжи[64] коварной и злой.

— Очы-Сарх! — Позвала она.
В открытую дверь заглянула луна.
Сестра Очы-Сарх в юрту вошла,
Встала, как вкопанная, у стола.
Со смехом воскликнула Хара-Нинжи:
— Богатырем рожденный мудрец Албынжи,

Веселую шутку сыграю с тобой —
Найдешь под подушкой ты стебель сухой,
Да войлочный мяч, годный лишь для того,
Чтоб малые дети играли в него.
Волшебный посох отныне мой!
Волшебный шарик отныне мой!

Так говорила, смеясь, она,
Шарик и посох схватила она.
Сестре сказала:—Следуй за мной!
Надо укрыться во тьме ночной.
Но та повернулась поспешно назад,
На спящую кинула злобный взгляд,
Остановилась молча над ней
С мыслью, которая ночи черней.

...Кылин-Арх, простая душой,
Разве ты знала, что ночью злой,
Большая беда случится с тобой?!
Добрая сердцем, Кылин-Арх,
Что ты видела в сладких снах?!

Очы-Сарх наклонилась над ней,
С мыслью, которая ночи черней:
— Албынжи, ты любишь свою жену,
Как звездочки в небе любят луну.
Пусть же печаль твое сердце прожжет.
Горе пусть душу твою изгрызет.
Страх пусть всегда с тобой рядом живет,
Потом кровавым на теле взойдет.

Померкнет счастье, как угли костра —
Посоха нет и не стало шара.
Пусть же не станет жены дорогой.
Пусть же увянет твой образ живой.
Пусть горе живет в сердце твоем —
Любовь задушив, мы тебя убьем!

Хара-Нинжи рыгнула слюной
И стала пестрой длинной змеей.
Вокруг спящей жгутом обвилась,
Выпучив черные пуговки глаз.

Кылин-Арх не может вздохнуть.
Тело змеи страшно давит ей грудь,
Жало тянется к сжатому рту,

Чтобы дыханье ловить налету.
...Так и погибла Килин-Арх
В страшных мучениях, в тяжких снах...

Очы-Сарх и Хара-Ниижи
Шипели, как змеи:—Теперь, Албыижи,
Людям геройство свое покажи!
Хара-Ниижи лисою стала,
Очы-Сарх серым волком стала,
И без дорог побежали они
Туда, где пылали зарниц огни...

...Поздно с гулянья пришла Хан-Чачах.
Молча к невестке прокралась впотьмах,
Рядом в постель неслышно легла,
Рукой осторожно ее обняла.
И холод почувствовав под рукой,
Шепнула:—Как холодно спать с тобой,
Совсем ты застыла, невестка моя,
Тебя отогреть сумею ли я?
В тебе ни кровинки горячей нет.
...Килин-Арх промолчала в ответ.

Тогда Хан-Чачах, ухватясь за плечо,
Принялась невестке шептать горячо:
— Родная моя, как ты крепко спишь.
Ты слышишь меня, почему ты молчишь?
Проснись, Килин-Арх, рукой шевельни!
...Но та неподвижно лежала в тени.

Вскочила испуганно Хан-Чачах,
По телу ее прокатился страх.
Он вестником горя подкрался к ней
И сделал лицо ее снега белей.
Он дрожью скривил ее тонкий рот
И криком заставил смутить народ...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Кто горя не знает, в веселье живет.
У Алтын-Теека в юрте народ.
С восхода солнца до вечерней зари
Сидят за столами богатыри.
Уж многие песни устали петь,
Уж многим невмочь ни стоять, ни сидеть,
Для многих весь мир от хмельного вина
Померк, как в тумане меркнет луна.

Хозяйке Хан-Хыс много хлопот —
То новые яства гостям подает,
То песни веселые им поет.
И вдруг увидела впопыхах
Дочку любимую Хан-Чачах.
— Почему ты, как снег, моя дочь, бела?
Зачем ты из юрты средь ночи пришла?

Слезы у дочки из глаз полились:
— Мать дорогая, Алып-Хан-Хыс,
Душу мою страданье теснит —
Кылин-Арх без дыханья лежит,
Похолодела грудь у нее,
Окаменело лицо ее.

Хан-Хыс пошатнулась от этих слов.
В висках у нее застучала кровь.
Подойдя к Албынжи, не может сказать,
Слова не может ему прошептать.
Тревога мелькнула в лице Албынжи:
— Алып-Хан-Хыс, скорее скажи!
Нежданное вижу в твоих глазах,
Горе иль радость в твоих словах?

И так прошептала ему Хан-Хыс:
— Сын мой желанный, мужайся, крепись,
Тяжкое горе в моих словах:
Крепко уснула твоя Килин-Арх,
Похолодела грудь у нее,
Окаменело лицо ее.

...От топота мелко земля дрожит —
Албынжи в свою юрту стремглав бежит,
Бежит с побледневшим страшным лицом,
С сердцем, горящим ужасным огнем.
Он полог откинул поспешной рукой.
Лежащая скрыта кромешной мглой.
Тогда он наощупь приблизился к ней.
Почувствовал—тело льда холодней...

Час этот горький в душе кляня,
Велел принести он скорее огня.
Сжалось сердце при виде той,
Которую он называл женой.
Лежала любимая сердцем жена
В объятиях вечного мертвого сна.

Албынжи подушку рукой приподнял
И страшно зубами заскрежетал.
Нежданное горе он увидал:
Вместо посоха—стебель сухой,
Вместо шарика—войлочный клок.
Гордой поник Албынжи головой,
Горя в душе утаить не смог,
Горячей слезы не смог удержать,
Со стоном глухим повалясь на кравать.

В молчаньи вышел из юрты народ.
В отчаяньи каждый судьбу клянет,
Никто не поднимет испуганный взгляд,
Каждому слезы дыханье теснят.

Сказал Албынжи, поднимаясь с трудом:
— Злоба моя, разгорайся огнем!
Ненависть, в сердце ключами кипи,
Разум мой светлый, ночами не спи!
Горе нам, горе, друзья мои,
К нам подступили лихие дни.
Мы запустили в наш круг змею.
Лучше погибнуть со славой в бою,
Лучше поникнуть, пронзенным стрелой,

В лицо ненавистника плюнув слюной,
Чем от укуса тайной змеи
Закончить в улусе бесславные дни.

Горе я вижу, друзья мои.
Чувствую сердцем лихие дни.
В стойбище нашем единства нет,
В жилище нашем крепости нет.

Так он сказал и заплакал опять.
И повалился с тоской на кровать.

...Горьких шесть дней, шесть ночей прошло
Гордо на небе солнце взошло.
Новый день, новый час настал —
Вдруг пошатнулся крутой перевал.
Слышится топот звонких копыт.
Богатырская песня в небе звенит.
Неведомая тяжесть горы гнет.
Неузнанная сила рвет небосвод.
Сразу разверзлось над головой
Синее небо огромной дырой.
Богатырский голос сверху гремит,
Так что колется крепкий гранит,
Из трещин сыплется каменный град,
Ломаясь, гулко деревья трещат.

— Эй, ты, кичливый мудрец Албынжи,
А ну-ка, смекалку свою покажи!
Без шарика ты трусливым стал.
А ну-ка, взберись на крутой перевал!
Важные есть у меня дела —
Отцовский скот я делить пришла!

Дверь юрты раскрыв поспешной рукой,
Взглянул Албынжи на тасхыл крутой.
Много он недругов увидал.
На Хара-Хулате отца узнал.
Сидел Хулатай помутненный умом,
Странный наряд одет на нем.
Слилось в нем величие и простота,
Весь он двуличие и темнота.

А рядом с ним высок, как гора,
Сидел сын Чил-Хары—Пилен-Тара [65]
А слева страшилище злое сидит —
Один бок белизною покрыт,
Другой бок чернотою блестит,
Половина лица земли черней,

Другая половина снега белей,
Звериные когти на правой руке,
Серебряные ногти на левой руке,
Правый глаз излучает добро,
Волосы справа, как серебро,
Левый глаз прожигает, как яд.
Волосы слева, как змеи, висят.

Узнал Албынжи, осилив страх,
В жутком чудовище дочь Юзут-Арх.
Он быстро одел боевой наряд —
На панцыре пуговиц длинный ряд,
Стан обтянул пояс тугой,
Голову прикрыл пёрик стальной.

...Сказал Албынжи:—Меч булатный мой,
Настало время итти нам в бой!
Смелыми будьте, мои друзья!
Теперь отступать пред врагом нельзя!

Так он близким друзьям сказал
И на тасхыл, торопясь, зашагал.
На карем коне Тюн-Хара могучий
Полетел за другом черною тучей,
А сзади мчался Алтын-Теек.
Он от друзей отстать не мог.

Три богатыря на тасхыл поднялись,
Три богатыря за мечи взялись.

Богатырям чудовище громко кричит:
— Страх видно сердце у вас леденит?!
Что-то поблек ваш хваленый вид!
Так слушай ты, Албынжи-мудрец,
У нас с Хан-Чачах один отец.
Хочу я народы вокруг покорить,
Хочу я славу с ней разделить,
Отдай мне сестру и сам покорись.
Если тебе дорога твоя жизнь!

Сказал Албынжи, не потупив глаз:
— Откуда ты, нечисть такая, взялась!
Пока голова у меня на плечах —
Не будет твоею сестра Хан-Чачах.
Пока чернота не поблекла в глазах —
Не будет твоею сестра Хан-Чачах.
Скорее река вспять потечет,
Чем ты покоришь мой родной народ.

Эти слова он гневно сказал,
В руке его молнией меч засверкал:
— Дочь черной силы!—Кричит Албынжи, —
Имя свое перед смертью скажи.
Чтоб знала земля, моя милая мать,
Вечным проклятьем кого проклинать!

Чудовище злое схватясь за живот,
Нагло хохочет и дико орет:
— Меня не узнал ты, проклятый мудрец,
У нас ведь с тобою один отец,
И мать Юзут-Арх у нас одна!
Скоро сюда прискачет она.
Пусть имя мое внушит тебе страх —
Я прозываюсь Хочын-Арх.[66]

Страшно сражение началось.
Сразу землетрясение началось.
Дрогнули горы, набок осев.
Расплескалась вода, в берегах закипев.

Схватились богатыри, не жалея сил.
Схлестнулись богатыри, как с тасхылом тасхыл.
Руками схватил Тюн-Хара Хулатая,
Да так, что трясется гора крутая.
Пилен-Тара и Алтын-Теек
Стремятся друг друга свалить с ног.
Албынжи в кровавом бою удал —
Он дочь Юзут-Арх под себя подмял.

Одиннадцать дней продолжался бой.
Туман заслонил небосвод стеной.
Сквозь пыли белую пелену
Совсем не видно в небе луну.
Сквозь пар густой и коричневый дым
Свет солнца кажется кровяным.

На двенадцатый день раздался зов —
Дикая, страшная песня без слов.
Взглянул Албынжи за перевал—
Юзут-Арх—страшилище увидал.
Сидит, внушающая дикий страх,
На черной кобыле о трех ногах.
Лицом страшилище земли черней.
Сажени нехватит между ушей,
Пестро-змеиные косы у ней,
Глаза лягушачьи раскосы у ней.

Взмахнула ужасная пестрым бичом —
В горах раздался раскатистый гром.
Второй раз взмахнула—упала гора.
Как раненый зверь, застонал Тюн-Хара.
Бичом перебитый напополам,
Упал без дыханья к вражьим ногам.

Взмахнула ужасная пестрым бичом —
Кремневые скалы блеснули огнем.
Как кедр, пошатнулся Алтын-Теек,
Но на ногах удержаться не смог.
Грудь его бич трижды обвил.
И, перерезав, на землю свалил.

Радостно вскрикнула Юзут-Арх,
Злорадство блеснуло в раскосых глазах.
Звонко щелкая ременным бичом,
Подошла к Албынжи и толкнула плечом.
Лишь только хотел он мечом взмахнуть,
Бич трижды обвил богатырскую грудь,
В змеиных объятьях крепко сдавил,
Дыханья свободного сразу лишил.

Юзут-Арх, издав восхищенный клич,
С силой дернула тонкий бич.
Ремень, задрожав, натянулся струной,
До тела прорезав панцырь стальной.
Юзут-Арх рванула второй раз,
Так, что брызнули искры из глаз.
Тонкий ремень, словно черный змей,
Врезался в тело до белых костей.

От третьего страшного силой рывка
Албынжи, наклонясь, застонал слегка.
Послышался хруст перебитых костей.
Хлынула кровь, как горячий ручей.
С перерезанной грудью упал Албынжи,
Темные веки плотно смежив.

— Моя победа! — кричит Юзут-Арх,
Садясь на кобылу о трех ногах.
Высоко подняв свой ременный бич,
Громогласно вещает победный клич;
— «Лети, мой голос, во все края —
Всех ханов хозяйкою буду я!
Реки мои и земля моя —
Ханствовать буду теперь лишь я!»

...Степь застонала под вражьей пятой.
Пепел и дым летят над землей.
Горят улусы, горит тайга.
Ничем не насытить лихого врага —
Ни кровью, что льется шумливой рекой,
Ни сладкими яствами, ни арагой.

Повсюду следы разрушенья видны,
Все юрты разграблены и сожжены.
Тому, кто держал против нечисти меч,
Пришлось костями на землю лечь.
И только хитрец Хан-Мерген уцелел.
Он сладкие речи страшилищу пел.
Он ползал пред ним, не жалея колен,
Продавший родину Хан-Мерген.
Врагам он, о чести забыв, помогал,
Свое жилище он сам разрушал!

Как страшен предателя злобный лик!
...За стадо свое заступался бык.
Рогами врагов он на землю швырял.
Угнать свое стадо врагу не давал.
От меча погибая, он страшно мычал...
...За табун заступался лихой жеребец.
Мчась по степи из конца в конец,
Копытами грозно врагов он крушил,
Из вражеских рук отбивая кобыл.
И пал буйногривый красавец степной,
Подстреленный вражеской меткой стрелой.

И только хитрец Хан-Мерген уцелел,
За то, что он сладкие речи пел,
За то, что врагам он своим помогал,
За то, что жилище свое разрушал!

...Лежал Албынжи с потемневшим лицом.
До слуха его доносился гром,
Стоны и плач, проклятья и вой,
Но только не мог шевельнуть он рукой.
Не мог он пальцы остывшие сжать,
Не мог он меч над собою поднять.

Отары овец, табуны коней
Угонял в неволю враг-лиходей.
Понурив головы, шли скакуны,
Луга покидая родной стороны.
А тех, кто не мог, не желал итти,
Враги, убивая, бросали в пути.

А следом врагами гонимый народ
Со стоном и плачем в неволю идет.
Идут, потерявшие счастье и честь,
Идут, неуспевшие пышно расцвесть,
Шагают украшенные сединой,
Навеки прощаясь с родной стороной.
А тех, кто не может, не хочет итти,
Злодеи, пытая, бросают в пути.
К согнутым соснам людей подтащив,
На сучки подбородками нацепив,
Под громкие крики, зловещий смех
Деревьев вершины пускают вверх.

...На лице Албынжи наступила ночь.
Он знает, что некому горю помочь —
Нет братьев отважных, нет мудрых сестер.
Смертельною пленкой подернулся взор.
Не может он пальцы остывшие сжать,
Не может он меч от земли оторвать.

...Летят облака в голубой высоте,
Золотистые кости лежат на хребте.
Их дождик ласкает влажной рукой,
Луна им сияет ночною порой,
А днем, когда солнце встает над горой,
Ласкает их радостный луч золотой.

Ветры летят, травой шелестя.
Кости лежат, белизною блестя.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Сколько дней и ночей прошло,
Сколько воды в ручьях утекло,
Сколько дождей из туч пролилось,
Сколько померкло и вспыхнуло звезд, —
Можно ли точно число их назвать,
Можно ль песчинки в морях сосчитать!

Разграбленный край молчаньем объят,
Ветры степные печально гудят.
Черные тучи в небе летят,
Мертвые кости недвижно лежат.
Дороги дикой травой заросли,
Тропинки степным ковылем поросли,
На месте улусов цветы зацвели.
Тишина и безлюдье в степях живут,
Ветров косяки на лугах пасут.

В какое-то время, в какой-то из дней
Темное небо стало синей.
Словно зарница в небе горит, —
Вещая птица с хребта летит.
Взмахнула вещунья нарядным крылом,
Села, кружась, за ковыльным бугром,
Встряхнулась и, девушкой славною став,
Тонкие косы к груди прижав,
Песню запела, взглянув на восток,
Ту, что певала Чарых-Кеек:

— «Брат мой, брат мой,
Брат Хулатай,
Землю родную оберегай,

Реки от недругов оберегай!
Знаю я, верю—время придет
В море вот здесь превратится ручей,
В степях привольно пастись будет скот
И радостной будет жизнь для людей!»

Так она пела, Чарых-Кеек,
Трогая нежно алый цветок.
Взором окинув простор степной,
Слушая лепет волны речной,
Во всем узнавая свой край родной,
Девушка шла чуть приметной тропой.

И вдруг помутился радостный взгляд —
Увидела: кости повсюду лежат,
Навстречу девице никто не идет,
Ответную песню лишь ветер поет.
Летят облака в голубой высоте,
Золотистые кости лежат на хребте...
Девушка, с горя забыв покой,
Плачет и гладит их робкой рукой.

Покраснели глаза от беззвучных слез,
Похолодели щеки и маленький нос.
Плачет прекрасная Чарых-Кеек.
Ветер, притихнув, на травы лег,
При виде слез он резвиться не мог.

Девушка силы в душе собрала,
Гордую голову подняла.
Встала, сидевшая с болью в груди,
Встала, забывшая жизни красу,
Видит: — сияет ей свет впереди,
Видит: — цветы заалели в лесу.
Слышится шелест нежных листков —
Сколько костей, столько цветов.

Девушка молча взялась за дела,
Травы целебные рвать начала,
Корни душистые ловко копать
И от земли поскорей очищать,
Греть на ладонях, слезами кропить,
И на ветру мимолетном сушить.

Много трудов положила она.
Из облаков выходила луна,
Видела — в травах мелькает платок,

Трудится девушка Чарых-Кеек,
Хочет поднять из мертвых костей
К бою способных богатырей.

Нет, не напрасны усилья ее!
Нет, не напрасны старанья ее!
Тот, кто любовь в своем сердце хранит,
Тот, кто заботу в душе несет,
Тот свою думу в дела воплотит,
Тот свое счастье всегда найдет!

Начали кости вокруг оживать,
Крепкими мускулами обрастать,
Губы начали воздух ловить,
Воду живую глотками пить.
Встают богатыри, пробуждаясь от сна.
Говором счастья долина полна.

Рыдает от радости Чарых-Кеек:
— Брат мой, любимый брат Албынжи,
На ноги встань, слово скажи!
Широкие плечи мои болят,
Глаза мои светлые не глядят,
Умерших вас воскрешала я,
Покою не зная, устала я...

Встал Албынжи, головою тряхнул,
На синее небо с любовью взглянул.
Увидел травы родных степей,
Услышал шорох нежных лесов,
Услышал, как звонко поет ручей,
Услышал ветра призывный зов.
Не мог он стоять, на колени встал,
И горсти земли к лицу прижимал.

В пустое жилище они вошли,
Кылин-Арх подняли с земли,
Жизни огонь в ее сердце зажгли.
Алып-Хан-Хыс следом пришла,
Принесла с собой радость родного угла.

...Так говорила Чарых-Кеек:
— «Враг наш давнишний коварен, жесток.
Возьмите вот этот волшебный ремень.
Как с ночью борется ясный день,
Как молния мглу пробивает лучом,
Так этот ремень поступает с врагом.

Кинешь ремень на врага, Албынжи,
Крикнешь вдогонку: — Крепче вяжи! —
И сразу увидишь — враг твой лежит
Желтым ремнем, словно цепью, обвит.

Слушай меня, мой желанный брат,
Долго ты будешь итти на закат.
Когда полоненная Юзут-Арх
Будет валяться в твоих ногах,
Когда она будет рыдать и стонать,
Себя твоей матерью называть,
Помни, что ложны все просьбы ее,
Каменным сердце должно быть твое.

Только смотри—не убивай!
Рук о страшилище не марай!
Ноги и руки ремнем связав,
Камни огромные к ним привязав,
Дай ее в жертву пучине морской
Во имя радости нашей людской.

Умом недалек твой отец Хулатай.
Жалости в сердце к нему ты не знай.
Увидишь хребет плоский, как стол,
С черной смолою стоит там котел.
Огни под котлом, не сгорая, горят.
Ключи смоляные в котле кипят.
Кинь Хулатая ты в этот котел,
Чтоб в страшных мученьях он разум обрел.

Потом ты гнездовье врага разруши,
Предателей злобных жизни лиши,
Невольникам слабым свободу дай,
Пусть возвратятся в родимый край.

Дома тебя счастье найдет.
В море вот здесь превратится ручей.
Привольно в степях пастись будет скот
И радостной будет жизнь для людей.
Жеребенка ты вырастишь скакуном,
Сироту воспитаешь богатырем,
Пешему лошадь лихую дашь,
Раздетому кров и одежду дашь».

Каждое слово ловил Албынжи,
Каждый совет повторял Албынжи.
И вдруг замолк дорогой голосок —

Кукушкою стала Чарых-Кеек,
Взмахнула вещунья упругим крылом
И закружилась над синим бугром.

Взглядом ее Албынжи провожал,
Наказы ее про себя повторял.
Потом он сказал: — Алып-Хан-Хыс,
Жена дорогая, брат Тюн-Хара,
Для вас наступила счастливая жизнь,
А мне собираться в дорогу пора.

Пойду я по следу врага искать.
Шесть лет вам придется меня ожидать.
А коль не вернусь я за этот срок,
Значит, мой путь и тяжел и далек,
Значит, врага я разбить не смог.

Так он сказал и, в волка превратясь,
Вдаль побежал и скрылся из глаз.

Долго бежал он, стремглав, на закат.
Видел—повсюду трупы лежат.
Скот, что не мог за врагом итти,
Злодеи кололи, бросая в пути.
К согнутым соснам людей подтащив,
На сучки подбородками нацепив,
Под громкие крики и злобный смех
Деревьев вершины пускали вверх.

Албынжи зорким глазом все примечал,
Каждого мертвого сосчитал,
Каждый сожженный улус осмотрел
И снова по следу врага летел.

У черного моря близ черной скалы,
Где бьются о камни морские валы,
Увидел и сердцем узнал Албынжи
Злодейку коварную Хара-Нинжи.
Алып Ах-Пуур на дороге стоит
На нем Хочын-Арх, развалясь, сидит,
А рядом на острых, как зубы, камнях
Лежит полоненная Хан-Чачах.

Стоит белый волк и не хочет бежать.
Злодеи устали его понукать.
Хара-Нинжи его палкой бьет,
А он, словно вкопанный, не идет.

———

Албынжи встряхнулся и стал пастушком,
Идет напевая, махая бичом:
— Меня научила любимая мать,
Как в длинной дороге волком управлять,
А если он встанет нежданно в пути,
Могу его сразу заставить итти!

Хочын-Арх услыхала такие слова
И тотчас голову подняла.
—Пастушок мой,—сказала,—куда ты идешь?
Какую ты песню так громко поешь?

Сказал пастушок: — Моя милая мать
Меня научила волком управлять.

— Да что ты!—Воскликнула Хочын-Арх
И радость мелькнула в раскосых глазах, —
А ну, научи нас, да только скорей,
А то здесь сижу я уж много дней.

—Что же, могу!—пастушок отвечал, —
Я раньше таким волком управлял.
Только прошу мне шарик отдать,
Чтоб мог я волка заставить бежать.

Долго упрямилась Хочын-Арх.
Напал на нее непонятный страх:
— «А может быть, он неведомый дух?!
А может быть, он совсем не пастух?!»
Глядит и не может никак понять,
Но все же решила шарик отдать.
— Возьми,—говорит,—вот этой рукой,
А я подержусь за бочок другой.

Выдернул желтый ремень Албынжи,
Кинул и крикнул:—Крепче вяжи!
Месяцем меч в руке засверкал,
Каждым ударом врагов убивал.
Без дыханья упала к ногам Албынжи
Нечисть коварная Хара-Нинжи.
Хочын-Арх, издыхая, лежит.
Черная кровь, как смола, кипит.

Поднял Албынжи на могучих руках
Сестру свою милую Хан-Чачах.
Крепко в щеки ее целовал,
Слова утешенья нежно шептал:

— Возвращайся, сестричка моя, домой,
А я поеду дорогой прямой.
Поеду по следу врага искать.
Шесть лет ты будешь меня ожидать
А коль не вернусь я за этот срок,
Значит, мой путь и тяжел и далек,
Значит, врага я разбить не смог...

...И снова вперед Албынжи спешит.
Вдали за тасхылом улус лежит.
Стоит там юрта из черных камней.
У входа — груды белых костей.
Албынжи тяжелую дверь распахнул
И в темную юрту смело шагнул.

Увидел: за каменным длинным столом
Сидит Юзут-Арх, обнявшись с отцом.
Албынжи от злобы весь задрожал,
Но ярость свою в крови удержал.

Юзут-Арх вскочила, косясь на дверь,
Шатаясь, глядит, словно загнанный зверь.
— Мой дорогой! Как ты нас разыскал!
На чем же, нежданный, ты к нам прискакал?
Здравствуй, сынок приласканный мной!
Со счастьем пришел ты, иль с черной бедой?
Вижу тебя по горящим глазам —
Пришел ты со злобой, наверное, к нам.

Подошла к Албынжи и хотела обнять.
— Тебя заждалась твоя бедная мать.
Здравствуй, сынок, дай прижать к груди,
Угощаться к столу поскорей подходи!

Выдернул желтый ремень Албынжи,
Кинул и крикнул: — Крепче вяжи!
Ударил проклятую прямо в висок
И молча на берег морской поволок.

...Пучина морская волною шумит.
Гадина злая змеею шипит:
— Мой сын дорогой, пощади, не убей!
Со мною ты будешь сильнее царей.
Тебя я готова всегда почитать.
Неужели ты руку поднимешь на мать!

Албынжи ни слова в ответ не сказал.
Он камни к ногам и рукам привязал.

Он поднял ее высоко над собой
И кинул в объятья волны морской.

И только утих отдаленный гул,
И лишь Албынжи назад повернул,
Навстречу ему бежит Хулатай:
— Мясистая пятка![57] Жену мне отдай
Куда ты девал ее — отвечай!

Выхватил желтый ремень Албынжи,
Кинул и крикнул: — Крепче вяжи!
Хара-Хулата быстро поймал,
Как мешок, Хулатая к хвосту привязал,
При этом сказал: — Вот тебе мой ответ!
И молча поехал на черный хребет.

...Огромный котел на хребте стоит.
Как облако, пар над котлом висит.
Огни под котлом, не сгорая, горят.
Ключи смоляные в котле кипят.
Сказал Албынжи: — Несчастный отец!
Твоему позору пришел конец.
Ты прожил разгульную, буйную жизнь,
Теперь уму-разуму поучись!

...В горячей смоле Хулатай кипит.
Камни молчат и ветер молчит.
Летят облака в голубой высоте.
Никто не плачет на черном хребте.
Лишь только конь — друг боевой
Гривастой сурово поник головой.
Звонким копытом о камень бьет,
Глядит на котел и призывно ржет.

Албынжи отвернулся, чтоб слезы сдержать.
На камень присел — нет силы стоять.
Взглянул направо, — скалу увидал.
Таких он не видел огромных скал.
Она, словно кин,[58] из земли торчит
И красною медью на солнце блестит.

Со злостью он быстро скалу обхватил
И начал шатать из последних сил.
Поднял над собой, перевернул
И медной вершиной в землю воткнул.

———

— Я победил! — Албынжи закричал,
И глянул в огромный черный провал,
Где тысячи тысяч несчастных людей
Мучил в неволе враг-лиходей.
— «Выходите, свободные, на простор!
Любуйтесь красою высоких гор,
Вдыхайте запах степных цветов,
Слушайте говор прохладных ручьев!
В родные края уводите стада,
Теперь вас не тронет враг никогда!

Много я выстрадал в битве с врагом.
Как ясных звездочек в небе ночном,
Наших страданий не сосчитать...
Но горю больше у нас не бывать!
Теперь вы свободны, друзья мои,
Теперь вы владельцы рек и земли!
Разъезжайтесь по водам и землям своим,
Ведите свой скот к улусам родным!»

Только он кончил — послышался зов —
Вышла женщина из рядов.
— Албынжи, — сказала, — спаситель мой,
Горя немало у меня за спиной.
Довези несчастную в край родной!

Узнал он Ай-Арх, быстро шагнул,
Ласково руки к ней протянул:
— Ай-Арх, в краю твоем звонкие песни.
Горе твое никогда не воскреснет!

Арган, испытавший неволи муку,
Подошел и пожал у спасителя руку:
— Как будто мне сон небывалый приснился!
Могу ли уйти я туда, где родился?

Албынжи оглядел всех счастливым взглядом
И от слов его люди узнали радость:
— «Летите люди, как птицы степные,
На крыльях счастья в улусы родные!»

Как море, на волю хлынул народ.
У каждого сердце в груди поет.
Горят благодарностью лица людей,
Слышатся возгласы пылких речей:
— Спасибо тебе, золотой человек!
— Заботу твою не забудем вовек!

— Приезжай к нам в улус, мы тебя угостим!
Все, что имеем тебе отдадим!

...На медной скале написал Албынжи:
— «Сам прочитай и другому скажи:
Тому, кто захочет наш край покорить,
На нашей земле не придется жить.
Тот же, кто с дружбою к нам придет,
В наших улусах любовь найдет!»

...Ветром летел Албынжи домой.
Знал он, что ждет его счастье, покой,
Радость и ласка родных и друзей,
Светлый поток лучезарных дней.

Вот он — последний крутой перевал.
Отсюда родимый он край увидал,
Долго смотрел, но не узнал,
Будто в другое место попал.
На месте ручья — море шумит.
Стая гусей над волнами летит.
На лугах привольно пасется скот.
Весело песню пастух поет.

...С почетом героя встречал народ.
Каждый ему угощенья несет,
Песни хвалебные каждый поет.
В разгаре пира в один из дней
Послышался топот могучих коней.
Все вышли из юрты, на запад глядят —
Скачет с хребта Хара-Хулат.

— Гляди, Хулатай! — Кто-то сказал, —
Он, кажется, зайца зубами поймал!
Когда Хулатай до толпы доскакал,
Насмешник, который про зайца сказал,
Язык прикусил и совсем замолчал.

Когда-то был Хулатай молодым, —
А теперь он стал старцем седым,
Похудел Хулатай, бородою оброс,
Поблекли глаза от горючих слез.

Взглянув на людей, зарыдал Хулатай:
— Много беды испытал Хулатай,
С малых лет и до самых седин
Я жил, как бездомный, безродный сын.

В бесславных делах пролетели года,
Теперь их назад не вернешь никогда!

Албынжи его в юрту с почетом завел,
Усадил на почетное место за стол.
И только начал отца угощать —
Новый гость появился опять.
Рослый, плечистый, красавец лицом
Стоит, смущаясь, как перед отцом.
—Ай-Мерген! Ай-Мерген!—пронеслось по рядам,—

Он сватать невесту приехал к нам!

Не сел с гостями за стол Ай-Мерген.
Он девять бочонков вина прикатил [69],
В пеструю чашу напитки слил,
Поставил средь юрты: — Кто хочет — пей!
Чтоб сердце стучало в груди веселей!
А сам, наполнив чашу вином,
Встал, поклонившись перед столом.

— Тебя я прошу, мой отец Хулатай,
Дочь Хан-Чачах за меня отдать!
Хулатай посмотрел на Алып-Хан-Хыс,
А та опустила голову вниз.
Тогда Ай-Мерген поклонился ей:
— Неужели не сбыться мечте моей!
Неужели нет счастья мне в этих краях!
Отдай мне в невесты дочь Хан-Чачах!

Тогда Албынжи слово сказал:
— Когда-то я пешим в степи шагал
И друга нежданного там повстречал.
Сказал он мне: — «Пешему плохо жить,
Несладко по свету бродягой ходить.
Наверно, ноги твои гудят.
Наверно, мозоли твои болят,
Хочу я с тобой поделиться конем.
Садись на буланку — поедем вдвоем».

И я восхитился его добротой.
Я видел — родился он с чистой душой.
Я понял, что с горем давно он знаком,
Раз честно делился в степи с бедняком.
А звали его — богатырь Ай-Мерген.
Не так ли, скажи мне, мой друг Ай-Мерген?

Коль сватают дочку, молчать нельзя,
Так что же ему мы ответим, друзья?
Будь счастлив с женою, родной человек!
В любви и покое промчится твой век.
Пусть дети мужают душою чисты,
Пусть горя не знают, как знал его ты.

С такими словами он выпил вино,
Чтоб знал весь народ, что согласье дано.

Сколько радости было кругом,
Сколько вина пролилось за столом,
Сколько песен пропел народ —
Разве все это мой разум сочтет!

Глазами старца смотрел Хулатай —
От счастья ликует родимый край.
Победы творец Албынжи-богатырь
Охраняет народа счастливый мир.
Он каждому роду главою стал,
Он мысли и правде просторы дал,
Он славой народ свой навек увенчал.
Жеребенка он вырастил скакуном,
Сироту воспитал он богатырем,
Пешему лошадь лихую дал,
Раздетому кров и одежду дал.

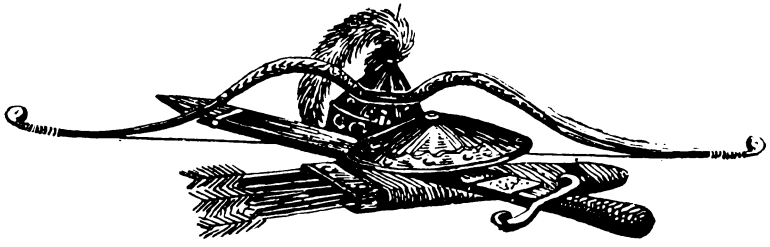
На душе Хулатая, как днем, светло.
Он с Хара-Хулата снимает седло.
Он гриву старческой треплет рукой:
— Прощай, быстроногий мой друг боевой!
Меня ты, как ветер, по свету носил.
Стремленьем одним ты со мною жил.
И волю свою ты давно заслужил.
Все травы твои на цветущих лугах,
Все воды твои в ручьях и морях.
Твоя трудовая окончилась жизнь.
Не зная седла, на приволье пасись.

Потом он свой меч в руки слабые взял:
— Не раз ты меня в боях выручал.
Как молния, ты над врагами сверкал.
Хозяин твой был беспокоен, суров.
Как часто искал он ненужных боев!
Как часто тебя заставлял он сверкать
В часы, когда должен был ты отдыхать.

Прости, старый друг, и навеки прощай!
Тобою теперь не взмахнет Хулатай.

Потом он свой панцырь в сундук положил:
— Не раз ты меня от стрелы защитил,
Не раз ты меня от меча уберег,
Не раз мне от смерти укрыться помог.
Носить мне тебя нехватает сил.
Твой верный хозяин одежду сменил.
Но знай же — настанет счастливый срок,
Придет богатырь и могуч, и высок,
И светел душою, как горный ручей,
И славен умом и отвагой своей.
Тебя в сундуке он не станет хранить,
Тебя он со славою будет носить.

...Дружит с землею радостный труд.
...Года чередою идут и идут.



ПРИМЕЧАНИЯ.

Первый вариант сказания был записан от хайджи научным сотрудником Д. И. Чанковым в 1948 г. По его построчному переводу и был сделан первый вариант литературного перевода. Но впоследствии сделаны вставки и добавления, записанные от сказителя В. И. Доможаковым. Заново записана первая глава, которая привела сюжет сказания в более цельный, стройный вид. (Оригинал сказания хранится в Хакасском научно-исследовательском институте).

Сказание состоит из белых и рифмованных стихов. Рифма в большинстве случаев глагольная. Широко использована аллитерация начальных строк (начальная рифма). Повествование состоит из строф (точнее «строфемы» — термин академика Ю .М. Соколова). Строфы имеют по 9, 8, 7, 4 и даже 2 строки, примерно, как раз так, как они объединяются в хакасском тексте. В некоторых строках применен редиф, употребляемый в хакасской народной поэзии, характерный и для поэзии других тюркских народностей.

В репертуаре С. П. Кадышева сказание занимает одно из центральных мест. Это не случайно, т. к. популярность сказания у хакасского народа большая. В ряде улусов сказание называют «Хулатай» — по имени алыпа, чья разгульная жизнь поучительна. В других местах оно бытует под названием «Албынжи». Так как алып Албынжи является центральным персонажем поэмы, мы и дали название «Албынжи».

Переводчик стремился сохранить поэтические особенности сказания, сюжетную целостность, характерные черты каждого образа, национальный колорит и напевность повествования.

Подлинник сказания изобилует многочисленными повторами. В переводе повторы использованы для лирического или драматического усиления повествования. Но в отдельных местах, когда повторения лишь загромождали повествование, переводчик их не соблюдал.

Албынжи по первоначальному варианту подлинника рожден Юзут-Арх, что не совсем оправдано логически и вызвало ряд замечаний. При беседе хайджи высказал мысль о том, что матерью Албынжи должна быть настоящая жена Хулатая, красавица

Чибек-Арх — носитель доброго начала в сказании. Это наиболее оправдано и правдоподобно. Юзут-Арх лишь присвоила себе младенца, лишив его с малых лет радости жизни. Эта мысль была учтена переводчиком. Таким образом, незначительные изменения, которые были сделаны при переводе, не отразились на основе сказания.

Ниже следуют построчные примечания.

1. Начальная строфа является одной из традиционных форм запевок хакасских сказаний. **Кирим-тасхыл** — название горы **Тасхыл** — высокая, скалистая гора (голец).

2. **Хан-Харасуг** — название незамерзающей реки. В толковании сказителя река не замерзаема потому, что она теплая, как кровь (хан).

3. **Юрта** — одна из форм первобытного жилища. В настоящее время у хакасов кое-где сохранилась как летнее жилище.

4. **Албыган** — собственное сказочное имя.

5. **Ойат** — буланый конь.

6. **Хара-Хулат** — чернопаврасый конь.

7. **Хулатай** — собственное имя. В буквальном переводе — трехгодовалый саврасый конь.

8. **Алтын Кеек** — собственное сказочное имя. Буквально алтын — золото; кеек — кукушка.

9. **50 косичек, 60 косичек** — По обычаю у хакасов вдова носит одну косу, замужняя женщина две косы, девушка плетет много косичек (сюрмес). В сказаниях 50—60 косичек являются традиционными числами.

10. «Жеребенка ты вырастишь скакуном,
Сироту воспитаешь богатырем,» — выражение, употребляемое для характеристики душевных качеств героя.

11. **Пёрик** — шапка, шлем.

12. В прошлом у каждой юрты хакасы вкапывали столб (коновязь). Эпитет «золотой» часто встречается в сказаниях и его не следует понимать буквально.

13. **Он дернул тин, не жалея коня..** и далее — гиперболическое усиление, которое встречается в сказаниях довольно часто. Тин — повод.

14. **Окаменело могучее тело** — иногда в хакасских сказаниях герои после смерти становятся каменными. В этом мотиве очевидно, отражен обычай древних хакасов сооружать каменные стелы на могилах выдающихся воинов.

15. «Не удержать этих слез кровяной поток,
Не удержать этих слез ледяной поток» — обычное выражение душевного горя.

16. «Близко живущие камень видят,
Далеко живущие о нем слышат» — выражение, подчеркивающее летучесть людской молвы.

17. **Юзут-хан** — Понятие души, в собственном смысле слова, у хакасов выражается термином «сӱне». По суеверным представлениям душа (сӱне) человека после смерти отделяется от тела, превращается в невидимое прозрачное существо (ӱзӱт), уходит в «потусторонний мир», становится дьяволом, чортом. В данном случае «Юзут-хан» собственное имя отрицательного персонажа сказания. Буквально: Юзут — злой дух, чорт; хан — царь. Злой царь, враг народа.

18. «Эй, Албыган, гордец безмерный» и далее до конца строфы — форма вызова недруга на бой — въезд на тасхыл, словесное обращение к врагу перед битвой, а затем сама битва.

19. **Ай-Арх** — собственное сказочное имя. Буквально: чистая луна. В хакасском произношении — „арығ". Учитывая, что звука „ғ" в русском языке нет, нами взята транскрипция «Арх», что легче для произношения русскому читателю.

20. «На слова Албыган отвечал словами» и далее до конца строфы — характерное для хакасских сказаний описание начала битвы.

21. **Чарых-Кеек** — собственное сказочное имя. Буквально: чарых — светлая, кеек — кукушка.

22. **Суген** — рыболовная морда, сплетенная из таловых прутьев.

23. **Арага** — вино из молока.

24. **Саргай** — сарана (лилейное растение).

25. **Сундук** — в прошлом у хакасов сундуки были в большом обиходе; они часто служили украшением внутренности юрты.

26. «Как птицы, летящие в край чужой,
Как кони, идущие на водопой» — традиционное сравнение, описывающее радость встречи.

27. «Черной силой страшна луна» — у хакасов существовало суеверное предание о том, что на луне обитает семиглавый злой дьявол (Читі пастығ Чилбіген) который, якобы, похищал женщин и детей.

28. «Белого лебедя над собой увидал» — в оригинале «алахас» — серый гусь. Нами гусь заменен лебедем потому, что лебедь по преданиям хакасов является редкой птицей, за которую отдавали даже коня.

29. **Алып-Хан-Хыс** — собственное имя. Буквально: девушка-богатырь.

30 **Хан-Мерген** — буквально: хан-царь, Мерген — меткий, ловкий. В данном случае имя отрицательного персонажа, хитроумного предателя.

31. **Ах-Хан** — собственное сказочное имя. Буквально: ах — белый, хан — царь.

32. Шестиглавой юрты современные хакасы не знают. Очевид-

но, это шестиугольная рубленая юрта в отличие от конической (алачых) или круглой берестяной (тос иб), или же войлочной (кис иб).

33. **Тулага** — забрало.

34. «Стоит внушающая дикий страх
На черной кобыле о трех ногах»... — обычно в хакасских богатырских поэмах отрицательные персонажи обрисовываются самыми черными красками, как представители социального зла.

35. **Юзуг-Арх** — собственное сказочное имя.

36. Ругательное выражение.

37. **Алтын-Теек** — собственное сказочное имя. Буквально: у качинцев «теек», у кызыльцев «чечпе», у сагайцев «сарчын» — столб-коновязь.

38. **Алтын-Поос** — собственное сказочное имя. Буквально: алтын — золото, поос — подвязка.

39. Арған—собственное имя богатыря.

40. **Ай-Арго** — собственное сказочное имя.

41. **Чибек-Арх** — собственное сказочное имя. Буквально: чибек—шелк вая нитка. Арх (арыг)—чистая.

42. «Открытых глаз не успеешь закрыть
Закрытых глаз не успеешь открыть» — традиционное выражение для передачи мгновенности действия.

43. **Той** — пир, свадьба.

44. «Ай-Арх смотрела лошади вслед»... затем в оригинале следует повествование о том, как Ай-Арх становится лебедем и улетает.

45. **Улус — аал** — деревня, село.

46. Характерной чертой хакасских героических сказаний является гипербола, употребляемая обычно в наиболее драматических местах повествования.

47. Кукушка частый персонаж песен и сказаний. Она является символом жизни. По приметам, после того, как весной запоет кукушка, зеленеют луга, оживает после зимней спячки тайга. Иногда образ кукушки служит для выражения людской печали.

48. Пришли мы просить у родни своей
Для боя способных резвых коней»... и далее до конца строфы. — В сказаниях богатырь не имеет обычно имени до тех пор, пока не получит коня. Имя богатыря и имя коня, как правило, даются в созвучии: Хулатай — Хара Хулат, Албыган — Ах ойат.

49. Очевидно, речь идет о писаницах на камнях, довольно часто встречающихся в хакасских степях. Эта деталь подчеркивает тот факт, что в давние времена хакасы имели свою письменность.

50. **Кир-палых** — чудовищная рыба.

51. **Белый волк** — ах пӱӱр - нередко встречается в сказках и сказаниях. Иногда он заменяет герою коня.

52 «В состязаньях осилим богатырей.

Чтобы дочь Алтын-Хана стала твоей»... — единоборство богатырей, добивающихся руки одной и той же невесты, является частым эпизодом в сказаниях.

53. Излюбленное традиционное выражение, употребляемое при встрече действующих лиц сказаний.

54. **Ай-Мерген** — собственное мужское имя. Буквально: ай — луна; Мерген — меткий, ловкий.

55. **Ах-Молат** — собственное сказочное имя. Буквально: ах — белая; молат — сталь.

56. **Хара-Моос** — собственное мужское имя, часто встречающееся как имя отрицательного героя.

57. **Чил-Хара** — собственное женское имя. Буквально: чил — ветер, буря; хара — черная; черная буря.

58. **Мёрий** — состязание богатырей. Соперники, сватающиеся к одной невесте, состязаются в ловкости, меткости, силе. Иногда они испытывают резвость коней, стреляют из лука и тот, кто победит, завоевывает право жениха.

59. **Чирис-Мёкё** — собственное сказочное имя. Буквально: Мёкё — силач, значение слоза «чирис» утрачено, очевидно, это «чир», что значит земля.

60. Албынжи, отказываясь от услуг Чил-Хары, подчеркивает свое враждебное отношение к представителям социального зла, сосущим кровь народа.

61. **Килин-Алып** — собственное сказочное имя. Буквально: килин — плис, бархат алып — богатырь.

62. **Хан-Чачах** — собственное сказочное имя.

63. **Килин-Арх** — собственное женское имя. Буквально: чистый бархат.

64. **Хара-Нинжи** и **Очи-Сарх** — собственные женские имена. В данном случае — это дочери Юзут-Арх, подосланные ею, чтобы выкрасть волшебный шарик и посох.

65. **Пилен-Тара** — собственное сказочное имя.

66. **Хочын-Арх** — собственное сказочное имя.

67. **Мясистая пятка**—(по-хакасски—ит-табан)—ругательство.

68. Кин (кін)—пуп.

69. В этой сцене в отличие от умыкания (карамчения) описан обычай сватовства по согласию родных и самой невесты.

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Предисловие	5
Первая глава	9
Вторая глава	22
Третья глава	31
Четвертая глава	40
Пятая глава	46
Шестая глава	51
Седьмая глава	57
Восьмая глава	62
Девятая глава	69
Десятая глава	79
Одиннадцатая глава	84
Двенадцатая глава	93
Примечания	107

Редакторы: *В. Доможаков,*
И. Чебодаев.

Обложка и рисунки *А. Новоселова.*

Заставки и концовки *П. Сарычева.*

Корректор *А. Кызлаева.*

Подписано к печати 22 мая 1951 г. АЧ00111. Печатных листов 7. Учетно-издат. листов 6,2. Тираж 1000 экз. Заказ 1491. Типография изд-ва „Советская Хакассия", г. Абакан. Цена 4 руб.